

A movie poster featuring a woman in a black and white nun's habit, seen from behind, holding a handgun. She is standing in a narrow, cobblestone street at night, with buildings and warm streetlights in the background. The sky is dark and cloudy.

Жанна Юзвик

Я ИЗМЕНЮ
СВОЮ СУДЬБУ

или

МЕСТЬ - БЛЮДО,
КОТОРОЕ ПОДАЕТСЯ ХОЛОДНЫМ

Жанна Юзвик

**Я изменю свою судьбу или
мечь – блюдо, которое
подается холодным**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23861517

*Жанна Юзвик Я изменю свою судьбу или мечь блюдо, которое
подается холодным: izdat-knigi.ru; 2016*

Аннотация

Мечь – главный смысл жизни Насти. Но, люди, по вине которых девушка осталась сиротой, очень влиятельные. Сумеет ли она наказать их? Хватит ли ей мужества и выдержки? Ведь выросшая в монастыре Настя совсем не знает мира. Впереди её ждет множество испытаний, но она верит в свои силы, потому что Настя мстит за самое святое – свою мать. Самое страшное – не сожжет ли это разрушительное чувство её душу?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. 1993 год	5
Глава 2. 1970 год	25
Глава 3	55
Глава 4. 1993 год	77
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Жанна Юзвик

**Я изменю свою судьбу
или месть блюдо, которое
подается холодным**

Жанр, тематика

криминальная мелодрама

Copyright Zhanna Yuzvik 2016 г.

izdat-knigu.ru edition

Часть первая

Глава 1. 1993 год

В эту ночь Насте не спалось, холодные каменные стены монастыря, казалось, давили на неё.

– Ну уж нет! Вам не удастся запретить меня здесь, – вырвалось у Насти.

– Что такое? Настя ты что кричишь? – приподнялась её соседка по келье.

– Спи, – мне приснился страшный сон. Та что-то сонно пробормотала и затихла. Не нравилась Насте сестра Магдалена, злобная, прыщавая доносчица, но ничего поделать она не могла. Магдалену приставила к ней настоятельница, матушка Филарета, чтобы та шпионила за ней. Вдалеке слышались шаркающие шаги, это шла будить послушниц сестра Анна. Настя быстро оделась и выскользнула за дверь.

– Доброе утро девочка, как ты? Что-то вид у тебя больной. – Сестра Анна внимательно посмотрела на девушку.

– Аннушка милая, не знаю, что со мной творится! Ведь до пострига осталось десять дней! Не могу я! И не хочу! На прошлой исповеди говорила батюшке Михаилу, так он как понял, что в мир меня тянет, так и наложил на меня строгую епитимью, поста строгого месяц и каждую ночь всенощную

служить. А сам сальным взглядом меня всю осмотрел и всё норовил прикоснуться как бы невзначай.

– Да, я знаю, одно не пойму, зачем я ей нужна, ведь она меня ненавидит.

– Не говори так, матушка любит всех своих дочерей, да, а как твои ноги?

Настя подняла подол юбки и взору сестры Анны представили сильно распухшие колени девушки.

– Господи, надо же что-то делать Настя! Ты говорила матушке? Тебе же надо в больницу!

– Говорила, конечно, мазь дала какую-то, да не помогает она мне, – ответила Настя.

– Я сейчас сама к ней схожу, а ты посиди не делай ничего. Настя прошла в трапезную и присела на деревянную скамью, вообще-то она занимала должность письмоводительницы, но после наложения епитимьи её перевели на работу в трапезную, где работа была гораздо тяжелей. «Сиди, не сиди, а работать надо», – подумала девушка и, взяв ведро и тряпку, принялась мыть полы. После окончания уборки зазвонил колокол, созывающий всех к заутрене. Настя прислонилась к косяку, её шатало, она не знала, как выдержать эту мучительную пытку, ведь два часа простоять на холодном каменном полу, на коленях, для неё было сейчас смерти подобно. Кое-как оторвавшись от косяка, она медленно побрела по коридору. Со всех сторон захлопали двери, сёстры торопились на молитву. Настя, задумавшись, налетела на старицу Алексею,

та, недолго думая, огрела её по спине клюкой.

– У-у, бесовское отродье, вылупила глазищи и прёт, вижу, не о святом думаешь, прокляну! – И плюнув, мерзкая старуха поспешно удалилась, не обратив внимания на то, что Настя осталась лежать на полу. «Ведьма чёртова», – последнее, что мелькнуло у неё в голове, и девушка потеряла сознание.

Настя не знала своих родителей, до семи лет она росла в поселении староверов. Ребёнком она была подвижным, и постоянно попадала в какие-то истории, за что бывала, дра-на тонкой хворостиной, которой отец Ефрем пользовался в совершенстве. В пять лет ею были прочитаны все книги, которые находились в поселении, и девочка загрустила. Пока однажды старый конюх Михаил, возле которого постоянно крутилась Настя, не сжалился над ней. Проведя её на чердак конюшни, он показал ей сундук с книгами, это было счастье для девочки.

Читать приходилось украдкой, и Настя уже дочитывала последнюю книгу, когда грянул гром. Её жестоко избили, приехала величественная дама в чёрной одежде. Так впервые девочка увидела матушку Филарету, последующие события она запомнила плохо, она жила ещё у каких-то людей, которых она почти не запомнила. Настя озлобилась, начала всем грубить и в итоге оказалась в семье православных христиан, которым, в сущности, девочка не была нужна, но они не могли отказать женщине, которая поднимала православную церковь.

Что было хорошо, на неё практически не обращали внимания и Настя успокоилась, она поняла, что надо быть как все и все будет хорошо. Начав хитрить, она в совершенстве освоила искусство дипломатии и стала милой и послушной девочкой. Матушке было доложено, все успокоились, и никто не догадывался, какие страсти бушуют внутри неё.

Подошло время, и Настя пошла в школу, училась она хорошо, со сверстниками ладила, в школе были дети христианского воспитания, и на их фоне она не выделялась. В третьем классе у Насти обнаружили прекрасные вокальные данные и ей разрешили посещать музыкальную школу. Это стало для неё отдушиной, петь Насте очень нравилось.

Преподавательница вокала Татьяна Георгиевна очень полюбила девочку и всячески старалась помочь ей, они много разговаривали, и при каждом удобном случае учительница старалась подкормить Настю всякими вкусностями, которых она никогда не пробовала. Так и шло время, всё было predetermined, после школы Настя должна была жить в монастыре, пока на послушании, потом принять постриг и стать монахиней. На выпускной вечер ей не разрешили пойти, и Настя смогла попрощаться со всеми перед вечером. Татьяна Георгиевна плакала и уговаривала девушку идти дальше учиться, потом она дала Насте бумажку с адресом и телефоном и сказала звонить если надумает учиться, она поможет.

Потом начались монастырские будни, тяжёлая работа, бесконечные молитвы, одна радость была, если по делам мо-

настыря, Настю брали с собой старшие. И ещё скрашивало ее унылое существование, пение в церковном хоре. Матушка Филарета избегала её и лично старалась с ней не общаться, хотя Настя знала, что все её поступки тут же докладываются ей. Ближе общалась Настя только с сестрой Анной, это она рассказывала ей, как живут в миру люди, что происходит в мире, об отношениях между мужчиной и женщиной. Если бы кто-нибудь узнал об этих беседах, страшно подумать, какое наказание им было бы наложено.

Сестра Анна часто ходила в город к родным, у неё сильно болела мама и поэтому настоятельница снисходительно относилась к её отлучкам. Оттуда она приносила кучу новостей, и Настя слушала, открыв рот, ей было всё интересно. Анна рассказала Насте свою жизнь, и та прониклась к ней искренним сочувствием, ведь Анна сама выбрала свой путь и в монастырь пришла по собственной воле, и она как никто понимала девушку, которую тянуло в мир.

Когда сестра Анна вернулась, Настя была без сознания, все сразу забегали, и матушка Филарета была вынуждена дать благословление на отправку Насти в больницу. Анна облегчённо вздохнула, пострига пока не будет, а там может что-то измениться.

«С такой внешностью и талантом Настя могла бы многого добиться, почему интересно матушка не отпускает её? Не пришла она сердцем к Богу, отпустить её нужно, да видно тайна здесь какая-то», – тяжело вздохнула сестра Анна и от-

правилась по своим делам. Очнулась Настя в больнице, вокруг суетились врачи. После уколов боль немного отступила, и Настя с интересом разглядывала все вокруг, ведь для неё все это было в диковинку. Палата была на четыре человека, соседи оказались очень милыми людьми, две женщины пенсионного возраста и молодая девушка примерно одного возраста с Настей. Поймав Настин взгляд, она улыбнулась:

– Меня зовут Вика, а тебя?

– Настя.

– Очень приятно.

Вика оказалась весёлой, забавной болтушкой, рот у неё не закрывался ни на минуту. Через час Настя знала, что она учиться в институте на юриста, у неё есть парень Саша, и что ей вырезали аппендицит и занесли какую-то инфекцию и лежать Вике ещё долго. Настя незаметно уснула убаюканная Викиной болтовнёй, за последний месяц она спала по два-три часа в сутки.

– Хоть выспится бедная девочка, – сказала кругленькая, вся такая уютная женщина похожая на одуванчик, которую все называли тётя Валя, – совсем её заморили в этом монастыре, прозрачная вся, аж светится. Но какая хорошенькая, верно? Прямо красавица!

– Да, но надо её подкормить, правда девочки? – откликнулась вторая женщина, тётя Света.

– Да у них же там постоянные посты, – сказала Вика, – я читала, как они там живут, это просто кошмар.

Вскоре все затихли, и палата погрузилась в сон. После тихого часа Настю повезли на обследование, делали снимки, брали анализы. Потом отвезли на каталке обратно в палату и сказали ждать результатов обследования. Вечер в палате прошёл весело, поужинав, шутили, вспоминая смешные истории из своей жизни. Настя расслабилась, чувствуя себя на удивление хорошо. На следующий день, во время обхода лечащий врач подсел к Насте:

– Ну, рассказывайте девушка, как вы довели свои ноги до такого состояния?

– Понимаете, это молитвы, у нас многие этим мучаются, можно сказать профессиональное.

– Да? – удивился врач, – а почему?

– Понимаете, молимся мы в основном на коленях, и зимой, и летом, а пол каменный, холодный, и вот результат.

– Ну нельзя же так затягивать, что же вы раньше не обратились?

Настя пожала плечами:

– Бог терпел и нам велел.

– Что за фанатизм, вы готовы себя в могилу загнать. Да-а, тёмные вы люди, ну а мне милая, что прикажешь с тобой делать? Тебе требуется дорогостоящее лечение, иначе ты можешь остаться без ног. У тебя есть деньги?

– Но у нас же бесплатная медицина, – пролепетала Настя, – вы просто обязаны меня лечить, вы же клятву Гиппократ давали.

– Надо же умная какая, а где я по-твоему лекарства должен брать? Покупать сам? В общем, думай, где деньги взять, но учти, если самое большее через два дня не начать лечение за последствия я не отвечаю, понятно? – и встав, доктор быстро вышел.

Настя, шокированная услышанным, молча, глотала слезы. В первый раз перед ней остро встал вопрос денег, в монастыре было все просто, тебя накормят, оденут, а для чего нужны ещё деньги Настя просто не знала.

– Настенька, дочка, а ты попробуй у своих спроси, не бросят же они тебя в беде, – посоветовала тётя Валя, – я слышала у вас там дружный народ.

– Ага, дружный, только я там ни с кем не дружу кроме сестры Анны, – всхлипнула девушка, – а у неё нет.

– Ну а ты всё равно спроси, за спрос по голове не дадут, – включилась в разговор тётя Света.

– Не плачь Настя, если твои не помогут, я попрошу у папы, он коммерческий директор «Востокбанка», он очень добрый, он поможет, – сказала Вика.

– А что же ты если такая богатая, в общей палате лежишь? – спросила тётя Валя.

– Да не богатые мы совсем, папа же не главный, вот тот деньги лопатой гребёт, просто папа добрый и всегда помогает людям.

– Ну ладно, не кипятись, просто мне не попадались добренькие коммерсы, обычно наоборот, попадешься им, обде-

рут как липку,— сказала тётя Валя.

— Он не коммерс, он простой рабочий на окладе. Мы живём вдвоём, и нам на жизнь хватает, — ответила Вика и отвернулась к стенке, давая понять, что разговор окончен. После обеда и тихого часа, Вика стала наводить красоту, она ждала своего парня.

— Вика, дай, пожалуйста, зеркало, на минуточку, — попросила Настя. Схватив зеркало, она жадно стала рассматривать своё лицо.

— Насть, ты так смотришь, как будто никогда себя не видела,— удивилась Вика.

— Ага, грех — это заниматься самолюбованием, поэтому не разрешалось нам иметь зеркала.

— Слушай, так ты даже не знаешь, как выглядишь? — подпрыгнула Вика и, забыв про свой макияж, бросилась к Насте. Стащив с её головы платок, с которым Настя никогда не расставалась, Вика ахнула. Тяжёлая коса упала на спину.

— Грех у неё, надо же, грех такую красоту прятать, — восхищённо воскликнула тётя Валя, — ну, сейчас Вика её научит что делать. Да, Вик?

— Конечно, но она такая красивая что, делать особо ничего и не надо.

— Я красивая? — недоверчиво протянула Настя, — ты, наверное, обманываешь меня?

— А вот это мы сейчас проверим, — подмигнула соседкам Вика, принялась колдовать над Настей.

Когда все было закончено, она повернула Настю лицом к женщинам и спросила:

– Ну как?

Эффект был потрясающий! Тётя Валя и тётя Света изумлённо смотрели на Настю.

– Тебе девка, надо в артистки идти, а не в монастырь, – протянула тётя Света.

Настя действительно преобразилась: роскошные кудри тёмно-каштанового цвета падали на плечи и спину, огромные серо-голубые глаза, классические черты лица, девушка поражала своей красотой. Тут раздался стук в дверь, и вошла сестра Анна, за ней стояла матушка Филарета. Настя застыла в ужасе: «что сейчас будет?»

Гроза не замедлила разразиться, матушка, окинув всех гневным взором, подошла к Насе:

– Не успела выйти за ворота, как уже раскрасилась как обезьяна! Мне нужно поговорить с тобой!

Все встали и потянулись к выходу. Аура матушки подавляла всегда окружающих её людей, оставшись вдвоём с Настей, она присела к ней на кровать:

– Знала я, что толку с тебя не будет, да думала, переломаю, переоценила я свои возможности, – она покачала головой, – как же ты всё-таки похожа на неё.

Настя ничего не понимала:

– На кого похожа, матушка?

– Скоро узнаешь всё, а пока поговорим о твоей болезни,

я разговаривала с врачом, он сказал, что на лечение нужны деньги, мародёры, приспешники дьяволы! Ну да ладно, денег я тебе дам, но смотри, чтобы не облапошили тебя.

Она вытащила пачку денег:

– Держи, поговори с соседками, узнай, сколько чего стоит, денег я тебе больше не дам, поэтому попусту не потратить, поняла? Я бы давно отпустила тебя, жалела, пропадёшь ты в миру. Но да на всё воля божия, благословлю тебя уж, но краску с лица сотри, чтобы я больше не видела тебя размазанную! – матушка встала и украдкой вытерла слезы.

Такого Настя ещё не видела, железная матушка плачет? И Настя не выдержала, она бросилась к ней, обняла её и тоже заревела.

Когда матушка ушла, Настя легла и задумалась: «интересно, что она имела в виду, говоря, что я на кого-то похожа, неужели она знает что-то про моих родителей? И столько лет молчала!»

Через какое-то время она встряхнулась и повернулась к соседкам:

– Всё, я решила, в монастырь я больше не вернусь, я хочу жить как все люди! И пусть мне будет тяжело, я выдержу! Я вам обещаю.

– Как жить-то будешь? Где? На что? – покачала головой тётя Валя.

– Это ты правильно решила, – обрадовалась Вика. – А мы тебе поможем.

– Пусть сначала вылечиться, сейчас это самое главное, – добавила тётя Света.

Все согласились с ней, а Настя стала обдумывать план действий. На следующий день после завтрака, она попросила Вику научить её делать макияж, та согласилась и вполне грамотно объяснила Насте, как правильно накладывать косметику. Та попробовала, и получилось вполне ничего.

– Смотрите, наша Настя делает успехи! – обрадовалась Вика, – ну, держись население мужского пола!

Тут открылась дверь, и вошёл лечащий врач Юрий Петрович. Увидев Настю, он замер, и уставился на неё как кролик на удава:

– Настя, что это? Какая ты стала... – от волнения он начал заикаться.

Рядом хихикнула Вика. Придя в себя, наш доктор бросился к двери.

– Юрий Петрович, а что хотели-то? – крикнула ему вслед тётя Валя.

Он повернулся, махнул рукой и кинулся прочь как ошпаренный. Хохотала вся палата.

– Вот и первая жертва, – смеясь, заявила Вика, – то ли ещё будет!

– Да девонька, видишь, что красота с мужиками делает. Они теперь будут падать к твоим ногам как переспелые груши, только успевай, собирай, – сказала тётя Света.

Настя смущённо улыбнулась, в голове её начал созревать

план. Она подошла к Вике и стала шептать ей что-то на ухо, выслушав та, удивлённо посмотрела на Настю:

– А это мысль! Ну, ты даёшь, а ещё монашка!

– Я быстро учусь и к тому же мне сейчас нужно выживать самой.

– Я знаю, что тебе надо, я сейчас же позвоню Сашке, он принесёт диктофон.

– Что это вы девочки задумали? – заинтересовалась тётя Валя.

– Потом расскажем, – отмахнулась Вика и с трудом встав, пошла к выходу.

Вернувшись, она первым делом сообщила, что к Насте идёт вчерашняя строгая монашка. Настя схватила полотенце и быстро стёрла макияж, накинула платок на голову. Раздался стук, и вошла матушка Филарета:

– Мир вам, добрые люди.

Подошла к каждой, перекрестила, благословляя, и внимая её молчаливой просьбе, обитатели палаты потянулись к двери.

Матушка присела на кровать, Настя выжидающе смотрела на неё.

– Знаю тяжело тебе, было, знаю, что росла без ласки, наверное, мне нужно просить у тебя прощения.

– Что вы!

– Молчи! Я долго готовилась к этому разговору. У меня была дочь, моя гордость, такая же красивая, как и ты. Снача-

ла всё было хорошо, она окончила институт, вышла замуж, и тут пришла беда. Не могла я в то время не поверить органам власти и отказалась от дочери. А сейчас думаю, может, подстроено всё это было, может, не виновна она была, а я дура старая поверила не своей дочери, а этим,— и матушка горько заплакала.

Настя обняла её, теперь она больше не боялась матушку, а жалела её, она ведь оказывается такая несчастная и добрая.

Матушка Филарета вытерла слезы и продолжила:

— Всё эта красота проклятушая, из-за неё всё случилось, поэтому за тебя боялась. Но больше не хочу тебя неволить, хочешь в мир, иди, но материально помочь я тебе вряд ли смогу, только советом.

— Матушка, я ничего не поняла,— Настя смотрела на неё и в душе её зрела догадка,— вы...

— Да, я твоя бабушка, после всего случившегося я ушла в монастырь и забрала тебя. Но до совершеннолетия тебе пришлось жить в разных местах, хоть и была ты под моим постоянным контролем.

— А где же моя мама?

— Много лет я не знаю о ней ничего, ты родилась в психиатрической клинике закрытого типа, для особо опасных преступников, мне разрешили забрать тебя, потому что я выкупила тебя.

— У кого?

— У главврача этой клиники, вот письмо, возьми, может,

в нем ты найдёшь ответы на свои вопросы.

Матушка встала, поцеловала Настю и, пообещав в скором времени прийти, ушла.

Настя схватила письмо, дрожащими руками распечатала конверт и, прижав письмо к сердцу, долго так сидела, не решаясь начать читать.

Соседки поняли, что случилось что-то важное, и решили не беспокоить девушку разговорами.

А Настя, наконец, решилась и читала, не замечая, что слезы градом катятся по её лицу.

«Дорогая, любимая доченька! Скорей всего меня не будет уже в живых, когда ты будешь читать это письмо, меня утешает только одно, что ты в надёжных руках, у своей бабушки. Она правда не поверила, что я не виновна, но тебя не оставит, а это главное. Меня обвинили во многих страшных преступлениях. Но это всё неправда, все улики были сфабрикованы, свидетели подкуплены, для сильных мира сего, это не проблема. Всего я тебе написать не могу. Самое главное это те люди, это Молчанов Олег Иванович, Никитин Максим Викторович и самый мерзкий из всей компании Смирнов Виталий Сергеевич. Доченька я хочу тебя предупредить, если кто-нибудь из этих людей попадётся тебе на пути, беги как можно дальше, они способны на всё. Всё, прощай! Я очень люблю тебя! Людмила Шаховская».

– Настя, приди в себя, сейчас обход будет, – окликнула Вика.

– Да, конечно – ответила Настя.

«Бежать от них, ну уж нет мамочка, я найду их, и они мне за все ответят», – подумала она, и пошла умываться. Приведя себя в порядок, она опять воспользовалась Викиной косметикой:

– Всё, девочки, я больше не буду плакать, я буду действовать!

Все тут же проявили интерес, что случилось. Настя рассказала про маму, умолчав только про фамилии тех людей, подсознательно почувствовав, что этого делать нельзя.

– Ой, Настенька, что же ты теперь делать будешь? – Спросила тётя Валя.

– Я должна распутать всю эту историю, и найти маму, вдруг она ещё жива.

– Как интересно, Настя я буду помогать тебе, и мы обязательно разоблачим негодяев, – подпрыгнула Вика.

– Нет, Вика, тебе нельзя лезть в это дело, это может быть очень опасным, – ответила Настя.

– Ну, тогда я буду помогать тебе, разрабатывать планы, хорошо? – не расстроилась Вика.

– Хорошо, уговорила.

Тут в палату зашёл врач, начался обход. Осмотрев больных, Юрий Петрович, даже не притормозив возле Насти, быстро вышел.

– Странно, почему это он Настю проигнорировал? – удивилась Вика.

– Мне кажется, сейчас будет продолжение, – улыбнулась тётя Света.

И действительно, не прошло и десяти минут, как вошла медсестра и пригласила Настю пройти в ординаторскую:

– Сама дойдёшь? Или помочь?

Настя за эти дни немного отдохнула, ведь здесь не нужно было выстаивать утомительные часы молитвы на коленях, и передвигаться кое-как могла. Поэтому она ответила, что прекрасно доберётся сама. Медсестра ушла, а Настя, подмигнув Вике, подправила макияж и потихоньку пошла. Подойдя к ординаторской, Настя постучала и, услышав «войдите», вошла.

Юрий Петрович сидел в кресле:

– Проходи Настя, садись.

Девушка присела на диван стоящий рядом, и посмотрела на врача. На вид ему было за тридцать, высокий, с уже намечающимся животиком, но в целом производящий неплохое впечатление. «Наверное, такие мужчины нравятся женщинам», – подумала Настя, но у неё он, почему вызывал отращение, какой-то скользкий, приторный, подленький.

– Ну, я так понимаю, денег ты не нашла?

Настя решила промолчать и послушать, что он скажет.

– Понимаешь, ты очень красивая девушка, – он замялся, не зная, что сказать.

Настя решила помочь ему:

– Правда? Вы находите?

– Да Настя, я ещё не встречал таких красоток, а если тебя ещё приодеть ты произведёшь фурор.

– А что мне с этой красоты толку? – закокетничала Настя.

Странно, она никогда раньше не занималась соблазнением мужчин, а тут получалось всё, само собой.

– Ты можешь многое иметь со своей красоты, если будешь умной.

– Что вы имеете в виду? И какое отношение моя красота имеет к моему лечению? – И Настя улыбнулась самой обаятельной улыбкой.

– Самое прямое. В общем, я предлагаю тебе сделку, я занимаюсь твоим лечением бесплатно, после выписки я буду продолжать заботиться о тебе, соответственно за симпатию с твоей стороны.

Гневные слова крутились у Насти на языке, но она продолжала мило улыбаться.

– Ну, так как?

– А с чего вы взяли, что я не вернусь в монастырь?

– Разве я ошибся?

«Кто-то проболтался, наверное, Вика, надо поменьше с ней откровенничать», – мелькнуло в голове у Насти.

– Да нет, вы не ошиблись, я действительно не собираюсь туда возвращаться, я хочу начать новую жизнь.

– Ну а я тебе помогу её начать, – мило проворковал Юрий Петрович.

Он думал, что эта монастырская дурочка сдастся очень

быстро. Настя опустила голову:

– Мне нужно подумать.

– Думай, только быстрее, у тебя очень мало времени.

Настя кивнула и вышла, её тошнило, почему-то Юрий Петрович внушил ей стойкое отвращение. Ишь, чего захотел, симпатию ему подавай, ну да он надолго меня запомнит, и с этой мыслью девушка зашла в палату.

– Ну что, Настя? Что он тебе сказал? – воскликнула Вика.

– Вика, ты говорила Юрию Петровичу, что я не буду возвращаться в монастырь?

– Нет, – замотала головой Вика, – я по телефону на лестнице разговаривала с папой о тебе, а он мимо проходил, наверное, услышал.

– А что ты отцу про меня говорила?

– Хотела тебе сюрприз сделать, по поводу жилья.

– И как, удачно? – улыбнулась Настя. Выходит, зря она подумала на Вику, она молодец, даже о жилье беспокоится.

– Папа сказал, что подумает, завтра он приедет ко мне и скажет, что можно сделать.

– Какая же ты молодец Викуля, – и Настя обняла девушку.

– Кто-то же должен тебе помочь, – засмущалась Вика, – а я люблю помогать людям.

Настя в красках поведала разговор с доктором, все были шокированы.

– А с виду такой порядочный, – удивилась тётя Света.

Настя вздохнула, вступление в новую жизнь, видимо бу-

дет нелёгким, но девушка и не рассчитывала, что будет легко.

Матушка Филарета – в мирской жизни Шаховская Вера Ивановна сидела в своём кабинете. Горькие думы бродили у неё в голове, как же уберечь Настю, думала она. Зря она её оградила от мира, как она теперь будет вписываться в ту страшную, непредсказуемую жизнь, ведь девочка совсем ничего не знает. Она задумалась, куда бы её определить на первое время. К родственникам отца? Нет, туда нельзя, а вдруг эти стервятники кружат где-нибудь поблизости. Да и её вторая бабушка не знает даже о её рождении, ей в целях безопасности она ничего не сказала.

Матушка тяжело встала, открыла сейф, достала толстый конверт и выложила на стол фотографии. Это единственное, что осталось у неё от прошлой жизни, взяв фото своей дочери, она долго смотрела на него, Настя была копией Люды, своей матери. Схватившись за голову, матушка глухо застонала.

Глава 2. 1970 год

– Мама, смотри, я окончила институт с отличием, мне выдали красный диплом! – счастливая Людочка закружила мать по комнате.

– Ну, я думаю, это дело надо отметить, вечером приглашай друзей, посидим.

– Ага, спасибо мамочка! – и девушка умчалась.

Вера Ивановна покачала головой, вот стрекоза, и пошла на кухню, готовить праздничный ужин. Люда была у неё просто образцовым ребёнком, ни в детстве, ни сейчас никаких хлопот с ней не было. Школу она закончила отлично, институт тоже, к тому же обладала уникальным качеством со всеми находить общий язык. Несмотря на то, что в компании все лица мужского пола начинали усиленно оказывать ей внимание, у неё не было недоброжелателей, она умела так отказывать, что никто не обижался, и отношения поддерживались уже в качестве дружеских.

В общем, Люда была душой компании, и её все любили за добрый, отзывчивый и весёлый нрав. По распределению девушка попала на рыбоперерабатывающий завод, самый престижный в городе. Помогла с назначением ей подруга Надя, у неё отец был директором этого завода.

Молчанов Олег Иванович, человек был оборотистый, со связями, помимо занимаемой должности, он был депутат го-

родского совета, и Надя очень гордилась своим отцом. Когда девушки пришли на завод, Олег Иванович лично принял их, поздравил со вступлением во взрослую жизнь, и проводил к главному экономисту Никитину Максиму Викторовичу. Тот показал их рабочее место и повёл девушек на экскурсию по заводу, проходя по цехам, он знакомил рабочих с новыми кадрами и люди радушно приветствовали девушек.

– А это наш инженер, знакомьтесь, Образцов Андрей Семёнович.

Девушки повернулись, и Люда увидела мужчину своей мечты. Андрей Семёнович оказался высоким, симпатичным парнем лет двадцати пяти. Люда была девушкой яркой, красивой и не страдала от нехватки мужского внимания, но до сих пор сердце её было свободно. Андрей тоже засмотрелся на девушку, такую красавицу он встречал ещё в своей жизни. Надя шутливо толкнула Люду:

– Ну что? Пошли? Очнись девушка!

Та покраснела, и, повернувшись быстро пошла прочь. Подруга бросилась её догонять:

– Понравился, да? Да ладно, я же вижу, – теребила её Надя.

– Ну да, понравился, ну и что? Должен же мне когда-нибудь понравиться парень, а то вы все влюблённые, а я все одна.

– Это же прекрасно, я сегодня же разузнаю все про него у папы и, завтра же расскажу тебе. Я надеюсь, это будет до-

стойный кандидат для тебя, подруга. Ну ладно, пока, не забудь, что завтра у нас первый рабочий день.

Подруги распрощались, и пошли по домам, каждая занятая своими.

Олегу Ивановичу было сорок пять лет, выглядел он превосходно, холеный, ухоженный с густой шевелюрой и с подтянутой, спортивной фигурой, которая, правда уже начинала понемногу расплываться, что очень не нравилось директору. Сказывался распушенный образ жизни, который в последнее время вёл Олег Иванович. Давали знать частые поездки с друзьями из горкома партии в заказники, да и друзьями они только назывались, а на самом деле только и ждали, когда кто-нибудь оступится, чтобы сразу сожрать его с потрохами.

Хорошо, что у него дружок нужный имеется, не даст под него копать, молодой да ранний, состоит на хорошей должности в горкоме, далеко пойдёт, если крылышки не подрежут. Слишком многое их связывает. Так размышлял, сидя в своём кабинете, Олег Иванович Молчанов, он сегодня был не в духе. Во-первых, вернулся домой поздно, не выспался, выходные как всегда проведя в обществе «друзей» на так называемой охоте, во-вторых выпили много, да и девка попала горячая, заездила совсем. С женой у них давно уже разладилось, спали в разных спальнях, не вызывала она у него уже никаких чувств, развёлся бы давно, да не приветствовались разводы в их кругах. Она, конечно, знала о его похождениях, но молчала, привыкла, да и материальное положение

играло не последнюю роль.

Раздался стук в дверь. Олег Иванович поморщился, не дадут спокойно посидеть:

– Да-да, войдите.

Заглянула секретарша:

– Олег Иванович, тут к вам по распределению, на работу.

– Пусть заходят.

В кабинет вошли две девушки, в одной из которых он узнал свою дочь.

– Папа, а мы к тебе на работу пришли устраиваться, – и Надежда, подойдя к отцу, поцеловала его в щеку. – Познакомься это моя подруга Людмила.

Много женщин повидал на своём веку Олег Иванович, но то, что он увидел, было нечто особенное. Он что-то говорил, улыбался и сам себя не слышал. В голове билась одна мысль: «Эта девушка, будет моей». Если бы Люда могла читать мысли, она бежала бы без оглядки.

Когда, девушки ушли знакомиться с заводом, Олег Иванович сел, налил рюмку коньяку, выпил и задумался, девушки с которыми он встречался, были разными. Красивые, молодые, но, таких он не видел, и его совсем не волновало, что она по возрасту такая же, как его дочь, он её захотел, и решил добиться во чтобы ни стало.

Людмила бежала домой, сердце её пело, ей всегда было интересно, есть ли любовь с первого взгляда. Сегодня она убедилась, что есть. Ей хотелось петь, смеяться, и творить

глупости. Прибежав домой, Люда повисла у матери на шее:

– Мамочка! Он такой... такой!

– Кто доченька? Что с тобой?

– Я кажется влюбилась, мамочка!

– Так, давай присядем, и ты мне все расскажешь.

Вера Ивановна усадила дочь на диван и присела рядом. Пока Люда, захлёбываясь словами, восторженно рассказывала о своём устройстве на работу, женщина любовалась её раскрасневшимся личиком, горящими глазами и вспоминала свою молодость.

– Подожди моя девочка с восторгами, ты ведь совсем не знаешь его, а вдруг у него есть девушка?

– Ну что ты, мама! Ты бы видела, как он на меня смотрел!

– Как же на тебя не смотреть, когда ты выросла такой красавицей, ладно, посмотрим, что из этого получится.

На следующий день Людмила Шаховская вышла на работу, и усердно занялась бухгалтерией. Коллеги были доброжелательны, внимательны и Люда незаметно стала втягиваться в новый коллектив. Через неделю она чувствовала себя как рыба в воде и не замечала, какие взгляды бросает на неё при встрече директор – Олег Иванович.

Под конец рабочей недели, в пятницу, Андрей, набравшись смелости, пригласил девушку на свидание, и с этой минуты их роман начал стремительно развиваться. Олег Иванович зорким, начальственным оком видел всё, знал он и о встречах Андрея с Людой. Поверенными в его замыслах бы-

ли двое: Никитин и Смирнов – его дружок из горкома. Как обычно на выходные они и ещё пять человек, один из которых был из Москвы, какая-то шишка из ЦК, отдыхали в заказнике. Пока остальные были в сауне, Олег Иванович решил посвятить своих друзей в те планы что задумал:

– Сейчас нет смысла даже подходить к ней, она ослеплена своей любовью, нужно сделать так чтобы она в нём разочаровалась, и вы мне в этом поможете. Тебе Максим придётся, с ним подружится, завяжешь отношения и станешь самым близким другом, это для начала, ясно?

– Ясно, – кивнул Никитин, на душе у него было гадко, во-первых, он не был законченным мерзавцем и, хотя погряз в финансовых махинациях, это дело ему чрезвычайно не нравилось, а во-вторых, он сам влюбился в Люду.

Максим бы давно бросил всё, но, к сожалению, повязан он был крепкой верёвочкой, которая с каждым днём всё больше затягивалась на его шее.

– Олег, я не понимаю, столько суеты вокруг этой девчонки, тебе что, баб мало? Сейчас Михалыч девочек привезёт, – удивился Виталий Смирнов, – какая разница?

– Для тебя может, разницы и нет, а меня уже тошнит от этих шлюх, – ответил Олег.

– На чистеньких потянуло? Смотри, это может плохо закончиться.

– Я всё продумал, всё будет хорошо.

Виталий недоверчиво хмыкнул:

– Ну-ну давай дерзай, Казанова.

Вскоре привезли девочек, и веселье быстро набрало обороты.

Людмила летала на крыльях, дело близилось к свадьбе. Две семьи усиленно готовились к знаменательному событию. У молодой пары всё шло отлично, и друзья по-доброму завидовали им. Только у Веры Ивановны на душе было неспокойно, не могла она понять причину своего беспокойства и молилась по ночам, прося у Бога счастья для своей дочери. Вера Ивановна была верующей, род Шаховских был княжеского происхождения и был когда-то богатым и знатным. Из поколения в поколение родители учили своих детей любить Отчизну и свято чтить Бога. И Вера Ивановна знала, что скоро отстроятся новые храмы на месте разрушенных, коммунистами и всё вернётся на круги своя, потому что нельзя жить без веры, не по-людски это.

Была у Веры Ивановны тайна, про которую не знала даже дочь. Несколько лет назад собирая грибы в лесу, женщина забрела далеко в лес и заблудилась. Бродила она дотемна, потеряла уже всякую надежду, поняв, что самой ей не выбраться, и когда возник перед ней маленький старичок с длинной белой бородой, заплакала от счастья. Старичка звали отец Елисей, он привёл Веру Ивановну в небольшую хижину, больше напоминающую землянку и рассказал о себе. Отец Елисей был родом из семьи священников. Когда начались гонения, семью его убили, храм разрушили, а ему уда-

лось скрыться. И здесь в таёжной глуши он нашёл своё пристанище.

– Тебя мне Бог послал, доведёшь до конца то, что я не смог, построишь на этом месте православный монастырь, денег я тебе оставляю, должно хватить, а мой час уже пробил, тебя ждал, не умирал, – и отец Елисей зашёлся в кашле. Откашлявшись, он поманил её за собой, спустившись в подпол, он достал корзину:

– Смотри. – Корзина была полна золота и драгоценностей.

– Не бойся, я никого не убил и не ограбил, на храм берегу уже много лет. Золото это поклянись, что не употребишь на другое дело кроме богоугодного, не то с того света достану!

– Клянусь батюшка, всё сделаю, как ты велишь. Только монастырь уже есть, нужно только привести его в порядок, сейчас там пионерский лагерь.

– Ну вот и хорошо, только ты смотри, время выбери нужное, не торопись, а сейчас ложись вон на полати да спи, завтра выведу, – и отец Елисей вышел из хижины.

Так началась их дружба. И сейчас перед свадьбой Вера Ивановна решила навестить старика и посоветоваться. Наконец, настал день свадьбы, молодожёны светились счастьем, Вера Ивановна тоже как будто успокоилась. Отец Елисей утешил ее:

– На все божья воля, и не изменить тебе её, прими её со смирением и легче тебе станет.

И ей действительно стало легче. Наконец все собрались,

родители Андрея были простые рабочие, а остальная родня, приехавшая из деревни, вообще колхозники. Они громко говорили, многие были уже выпивши, обнимались и целовались, и речь их то и дело перемежалась отборной матерщиной. Вера Ивановна досадливо поморщилась, послал Бог родственничков! И ей придётся сидеть за одним столом с этим быдлом! Андрей, правда, отличался, был скромен и сдержан, но было в нем что-то, что не нравилось Вере Ивановне, и дело было не в социальном положении, а в чём она бы, не смогла объяснить.

Свадьба текла своим чередом, и Вера Ивановна отбросила свои мысли, и веселилась со всеми. Под конец она даже перецеловалась со сватами, и они, вытирая слезы, поклялись ей в вечной дружбе. Но всё когда-то заканчивается, закончилась и свадьба. Молодые остались жить у Веры Ивановны, квартира у неё была больше, чем у родителей Андрея, да и там росли ещё младшие брат и сестра, а своего жилья молодой человек пока не заработал. Поначалу всё шло хорошо, прошло около двух месяцев, когда Андрей поздно вечером пришёл в состоянии «не стояния», вернее его практически принесли. Люда и её мама были в ужасе, они раздели и уложили его спать.

– Ох, доченька, даром меня мучило беспокойство, он, наверное, алкоголик, надо его лечить. Угораздило же тебя влюбиться в такого, – покачала головой Вера Ивановна.

– Мама он хороший, это просто случайность, – начала

оправдывать мужа Люда. — Как бы эта случайность, не превратилась в закономерность, дочка, ну я пошла спать, уже третий час ночи.

В эту ночь Люда постелила себе отдельно, долго ворочалась, не могла уснуть. Утром Андрей извинялся, оказывается, его пригласили на день рождения, да не кто-нибудь, а сам Молчанов, там он познакомился с очень важными людьми.

— Понимаешь Людочка, меня, простого инженера пригласили такие люди, как я мог отказаться! Там был сам Смирнов, он пообещал помочь нам с квартирой, представляешь милая? — восторженно рассказывал Андрей.

— Интересно, зачем ты мог им понадобиться? Такие люди благотворительностью не занимаются, — недоверчиво сказала Люда.

— Почему вы сразу стараетесь увидеть что-то плохое? — в сердцах бросил Андрей и, хлопнув дверью, быстро вышел.

Молодые супруги в первый раз не поняли друг друга, а вечером Андрей позвонил и сухо сообщил, что сегодня остаётся ночевать у родителей. Через несколько дней так и не дождавшись мужа, она сама подошла к нему на работе. Примирение состоялось, но осадок остался у обоих. И никто из них не догадывался, как внимательно наблюдает за их отношениями Молчанов. Сегодня он, сидя в кабинете с Никитиным обсуждал сделку, которую они удачно провели, даже после дележа с вышестоящими чиновниками, их доля была не маленькой.

– Страшно мне Олег, не дай бог, проверка нагрянет, тюрьма ведь нам светит.

– Что ты как баба разнылся, раньше надо было думать. Ты пойми никто нас не тронет, за нами ведь такая ниточка потянется... сам понимаешь, голов много полетит. В субботу поедем на охоту, Образцова, с собой прихватим, проведём политбеседу. Ну ладно, иди. У меня ещё дела.

Максим вышел из кабинета. Зачем он связался с этой шайкой-лейкой, уже несколько лет они обстрепывают грязные делишки. Когда Максим пришёл работать на завод, у него сильно заболела мать, Молчанов через своих знакомых нашёл редкие, дорогостоящие лекарства, положил мать в клинику в Москве. Потом сестра выходила замуж, нужны были деньги, так и попался на крючок Максим, увяз коготок, всей птичке пропасть. Он тяжело вздохнул, как надоело это всё, и никакого выхода. Люду жалко, сломают они ей жизнь, предупредить бы, но как? Она ведь не поверит. Максим постоял в раздумье и так ничего не придумав, пошёл в кабинет.

В субботу Андрей опять не пришёл ночевать, он был счастлив, у него такие друзья! Он пил, обнимался с ними, не замечая, что они смеются над ним. Он был полон собственной значимости, как же, его заметили, и приблизили к себе такие люди. Андрей был ради них готов на все, о чём он и пытался сообщить сидящему рядом Смирнову, тот гадко ухмылялся и снова и снова наполнял его рюмку. Где-то в глубине души, Андрея грыз червячок совести, но с каждой вы-

питой рюмкой он потихоньку затихал. Но когда привезли девочек, и одна повисла у него на шее, он нашёл в себе силы оттолкнуть её, пока Люду Андрей ещё не мог предать.

С этого момента его отлучки и пьянки стали постоянными, утром он клялся, что больше такого не повторится, молил о прощении, но на выходные опять исчезал. Люда осунулась, стала молчаливой, взгляд ее потух. Вера Ивановна как могла, утешала дочь, она поняла, что лучший выход из этого положения развод, но Люда отказывалась, она ещё любила. Так продолжалось несколько месяцев, Андрей потихоньку превращался в алкоголика, он мог уже напиться посередине недели, чего раньше за ним не наблюдалось и утром похмелиться. До развода был один шаг, но Люда ещё на что-то надеялась.

Олег Иванович придя на работу, увидел Люду, ее поникший, болезненный вид говорил сам за себя. Он удовлетворённо вздохнул, кажется, пришло время действовать. Отдав необходимые распоряжения он, зайдя в приёмную, попросил секретаршу через полчаса вызвать Шаховскую, Люда, как и её мать, оставила девичью фамилию. Молчанов подошёл к зеркалу, внимательно осмотрел своё отражение и остался доволен, подошёл к столу начал зачем-то перекидывать бумаги. «Тьфу, черт, волнуюсь, как школьник», – одёрнул он себя. Не удержавшись, открыл бар и налил себе рюмку коньяку. Быстро выпил, с наслаждением закусил долькой лимона, Олег Иванович знал толк в хороших напитках, как и в жен-

щинах. Он сел и задумался, если она добровольно не согласится, что тогда? Нет, нет, всё должно, получится, ведь он так долго ждал. Тут раздался стук в дверь.

– Да, войдите, – крикнул он, к нему вернулось спокойствие.

Дверь открылась, на пороге стояла Люда.

– Проходи Людочка, садись, разговор будет серьёзный.

Люда молча села, выжидающе посмотрев на директора, сердце у неё тревожно забилося.

– Ну, рассказывай, как дела? Как семейная жизнь? Мне как духовнику нужно рассказывать, всю правду и без утайки.

Девушка смущённо улыбнулась:

– Да всё в порядке, нечего рассказывать.

– Понимаешь, я хотел поговорить насчёт Андрея, он ведь пить начал, до женитьбы за ним это не водилось. Может у вас какие-то проблемы, и я могу помочь?

«Надо же, помочь, а кто его интересно приобщил к этому? Лицемер!» – гневные слова крутились в голове у Люды. Но она только пожала плечами.

– У него уже три предупреждения, и я, к сожалению, буду вынужден его уволить.

– А почему вы говорите это мне, а не ему? – удивилась девушка.

– Знаешь Людочка, я хотел сказать тебе, за каким чёртом тебе сдался этот тупица? Только не говори мне про любовь, я не понимаю, как можно любить человека, который не по-

нимает какое счастье ему привалило, и меняет это счастье на пьянки с собутыльниками. Я бы ни на минуту не отошёл от такой красавицы, – Олега Ивановича даже бросило в жар от собственной речи.

Люда ошарашено смотрела на него, страшный смысл его слов стал доходить до девушки. Она встала:

– Что вы хотите от меня, говорите прямо!

– Действительно, не вижу смысла ходить вокруг да около, – Молчанов подошёл к двери, и плотнее закрыл её, налил себе ещё рюмку коньяку, покрутил бутылку в руке:

– Прекрасный коньяк, такого не найдёшь в продаже, друг присылает из Армении, хочешь рюмочку?

– Я не пью коньяк, – отрезала Люда, – так что вы хотели мне сказать?

– Хорошо, я скажу, дело в том, что ты мне очень нравишься, с самого первого дня, как только я увидел тебя, я хочу, чтобы ты была моей.

И одним махом опрокинул рюмку, которую держал в руке.

– Но вы же коммунист, как вы допускаете такие речи? Вы женаты! И у вас дети! – воскликнула Люда и сделала шаг к двери.

Но директор преградил ей путь:

– Дети взрослые, а жена... что жена? Я ведь не собираюсь разводиться.

– Так вы что, предлагаете мне стать вашей любовницей? Какое хамство! Не будь вы моим начальником, я бы ударила

вас! Да как вы могли подумать, что я соглашусь?

– Да действительно, я думал ты умнее, встречались бы иногда, и всем было бы хорошо, и Андрею бы я помог, и ты бы ни в чём не нуждалась.

– Помог он, сами споили, а теперь помог, ну и наглость. В общем так, будем считать, что никакого разговора не было. Разгневанная Люда подлетела к столу, налила полную рюмку коньяку, залпом выпила.

– О-о-о, да ты я посмотрю от мужа недалеко ушла, – с издёвкой сказал Молчанов.

– Да! У нас это семейное! – и Люда гордо удалилась.

Олег Иванович посмотрел ей вслед, конечно он ожидал, что девушка поймёт всю выгоду его предложения, но ошибся, ей это было не нужно. Вот и пойми этих баб, другая бы с радостью ухватилась за его предложение, а у этой любовь видите ли, он с досадой плюнул, ну ладно, не захотела по-хорошему, он заставит её.

После работы, Люда дождалась Андрея, когда он вышел из цеха и увидел её, недовольно спросил:

– Что совсем вышел из доверия? Как первоклашку теперь будешь встречать и провожать?

– У меня важный разговор, пойдём домой.

Андрей вздохнул, весь день он мечтал о пиве, теперь похмелье мучило его почти каждый день. В «пивнушке», находившейся неподалёку он стал уже своим человеком, у него появились там друзья-собутельники, подозрительные лич-

ности криминального разлива, которые как ему казалось, его понимали, на самом же деле Андрей им был нужен только потому, что у него водились деньги и он, не скупясь, угощал их. Люда заметила его раздражение:

– Пойми это очень важно, а пиво я тебе куплю, только пошли домой!

– Ну, хорошо, пойдём.

По дороге купив пива, они пришли домой, и Люда всё рассказала своим домочадцам.

– И самое главное, я не могу уволиться без уважительной причины, – закончила она.

Андрей, забыв о пиве, сидел, обхватив голову руками, до него, наконец-то стал доходить весь смысл происходящего. Эта дружба.... Сейчас в памяти всплывали усмешки так называемых друзей, вскользь брошенные фразы с двояким смыслом, и прочие нюансы, которые память услужливо подсовывала ему. Какой же он был дурак!

– Люда, я всё понял, я чуть не потерял тебя! Все милая, я бросаю пить и завтра же пишу заявление об увольнении, с этими людьми я больше не желаю иметь ничего общего.

– Вот и хорошо, а я попробую через знакомую врача получить Люде свободный диплом, – сказала Вера Ивановна. После окончания института требовалось отработать два года по распределению, только тогда диплом выдавали на руки. – А пока води себя, как будто ничего не случилось.

Андрей сдержал слово, пить он бросил, устроился на но-

вую работу, жизнь начала налаживаться. Люде приходилось хуже, её подруга Надежда, дочь Молчанова стала избегать ее, но зато все особи мужского населения, стали оказывать ей повышенное внимание, а за спиной ползли злые шепотки. Люда ничего не понимала, но когда старший механик, мужчина неопределённого возраста, попытался зажать ее в раздевалке, она заплакала:

– Что вы себе позволяете?

– Не прикидывайся, весь завод только и говорит о тебе, как ты рога мужу наставляешь, а я чем хуже?

Люда кое-как отбилась от мерзавца, а вечером, идя с работы, домой, к ней подошёл молодой мужчина:

– Девушка позвольте я вас провожу.

– Я прекрасно дойду сама, пожалуйста, уйдите.

– Как я могу позволить такой красивой девушке, идти в одиночестве, не бойтесь, я белый и пушистый.

Мужчина явно ломал комедию, оглянувшись, Люда увидела своих коллег, которые смеялись и показывали на неё пальцем. Резко развернувшись, девушка бросилась бежать, ухажёр кинулся за ней. Вслед засвистели. Заскочив в первый попавшийся подъезд, Люда отдышалась, привела себя в порядок и вышла, мужчины не было. Придя домой Люда, не стала ничего рассказывать, чтобы не расстраивать своих близких. Через несколько дней уже другой мужчина пытался проводить Люду. И опять это делалось на публику. Так в течение месяца, несколько человек провожали Люду пооче-

рёдно, вели они себя, правда, сдержанно.

Люда поняла, что бегать смысла нет, это вызывает лишь смех и издёвки, поэтому она, молча терпела, вели они себя одинаково, как только зрители скрывались из вида, молодой человек исчезал за ближайшим углом, видимо на этот счёт у них были строгие инструкции. Поняла она всё, когда её вызвали на общее собрание. Тогда она увидела, какими злыми и несправедливыми могут быть люди. Этот кошмар длился целую вечность, Люда оцепенела, выслушивая гневные тирады в свой адрес, так она и сидела, ни на что не реагируя. Когда собрание закончилось, она так и осталась сидеть в актовом зале. Вывела её из ступора уборщица тётя Мотя:

– Как они с тобой, да ты наплюй, не переживай так, всё наладится. Ну, давай, вставай, домой пора уж.

Люда встала, и вдруг её словно прорвало, слезы текли ручьём, девушку трясло как в лихорадке. Тётя Мотя всплеснула руками:

– Да что ж такое деется, до чего девку довели, изверги проклятые.

Она увела Люду к себе в кондейку, и там долго успокаивала девушку. Наконец кое-как успокоившись, Люда, собралась домой, и тут вспомнила, что забыла в кабинете сумочку, ключи от кабинета у неё были. Поднявшись на второй этаж, она открыла дверь и только собралась войти, как сильный толчок в спину бросил её вперёд. Влетев в кабинет, девушка упала, дверь со стуком захлопнулась, и она услышала, как

ключ поворачивается в замочной скважине. Повернув голову, Люда увидела директора, но в каком состоянии... он был пьян, глаза горели злобным огнём, черты лица были искажены ненавистью. Люда сжалась в комок и от страха потеряла дар речи. Молчанов подошёл к ней, за шиворот поднял её с пола:

– Ну, вот ты и попалась птичка! Сейчас ты в моей власти! Смотри!

Он бросил на стол стопку фотографий, они рассыпались веером, и стало видно, что на них изображена Люда с незнакомыми парнями, в которых можно было узнать её недавних провожатых. Снимки были сделаны так, что казалось, будто эти люди состоят с Людой в довольно близких отношениях. Молчанов решил, что настал час расплаты, он схватил девушку, и вытащил её в коридор, затем открыл свой кабинет и швырнул Люду на диван:

– Можешь кричать, если хочешь, тебя всё равно никто не услышит, и можешь рассказывать кому хочешь, тебе никто не поверит. Если ты расскажешь мужу, то я покажу ему эти фотографии, да парнишки могут сами подтвердить, что состояли с тобой в интимных отношениях, поверь, я им хорошо заплатил, и они скажут всё, что мне надо. В милиции, девушке, у которой выговор за аморальное поведение, тоже делать нечего, я просто скажу, что ты решила отомстить, не забывай, сколько у меня свидетелей, практически весь завод. Люда опять впала в ступор, была у неё такая особенность

организма, которая защищала её психику, в чём в последствии, убедилась Люда. Кошмар продолжался, и когда Молчанов принялся раздевать её, она просто отключилась. Но мерзавца это не остановило и, воспользовавшись беспомощностью девушки, он изнасиловал её. Когда Люда пришла в себя, он велел ей одеться, налил ей коньяку, который она покорно выпила, и выпроводил её из кабинета:

– Болтать, тебе невыгодно, делай, как я скажу, и всё будет в порядке. Ты теперь повязана со мной одной верёвочкой.

Люда брела, не видя дороги, она понимала, что домой ей сейчас идти нельзя. «Галина», – вспыхнуло в мозгу, и девушка побрела на автобусную остановку. Она не помнила, как добралась до дому Гали и когда та открыла дверь, беспомощно сползла к ее ногам. Перепуганная Галина, затащила ее в кухню и, усадив на стул, кинулась к холодильнику. Галля была дочь обеспеченных родителей, они работали в Африке, и дома бывали лишь наездами, так что она была самостоятельная девушка. Налив в рюмку водки, она подумала и плеснула себе тоже:

– Извини, другого ничего нет, это осталось с прошлой вечеринки, ребята приносили, ну давай выпьем.

– Я что-то в последнее время часто пью, и не менее часто падаю в обморок, – улыбнулась сквозь слёзы Люда.

Девушки выпили.

– Понимаешь Галочка, дело очень серьёзное и я боюсь рассказывать.

– Давай подруга, не бойся, ты же знаешь я кладбище чужих секретов.

И это была, правда, Гале можно было рассказать всё и быть уверенным, что она не проболтается. Да и Люде было необходимо с кем-то поделиться, посоветоваться, как жить дальше, и она всё выложила подруге, с самого начала. Та слушала, открыв рот, когда Люда закончила, ахнула:

– Вот это ты попала! Давай выпьем ещё, и подумаем, что делать дальше.

– Да что тут можно надумать, я не знаю, как жить дальше.

– Для начала позвони домой и скажи, что я заболела, ты останешься у меня до утра.

Люда позвонила домой, Андрея ещё не было, а Вера Ивановна ничего не заподозрила. Потом Галя отвела Люду в ванную, и пока Люда принимала душ, она думала, как помочь ей. С одной стороны, хорошо, что она такая инфантильная, Галя бы кинулась драться, побежала бы в милицию, и натворила ещё бог знает каких глупостей, а с другой, кто знает, может ей нужно было быть твёрже характером, чересчур она мягкотелая. Галя искала выход, и не находила его, уволиться? Всё равно достанут, уехать в другой город? Слишком проблематично, но другого выхода она не видела. Когда Люда вышла из ванной, Галя уложила её в постель и присела рядом:

– Ты должна убедить своих родных уехать с тобой в другой город.

– Боюсь, они не согласятся, – покачала головой Люда.

– А пока сиди тихо, у Молчанова слишком большие связи, себе дороже выйдет.

Люда глядела невидящими глазами в потолок, за что ей все это? Мелькнула мысль о самоубийстве, но Галя как – будто прочитала её:

– О плохом не думай, тебе ещё жить да жить, всё наладится подруга, наберись терпения.

Последующие дни, Люда ходила на работу как сомнамбула, пыталась делать свою работу, но цифры не любят постоянных мыслей, девушка стала делать ошибки. Когда на неё пожаловались Никитину, тот уже зная о подвиге директора, пожалел девушку. Вызвав Люду в кабинет, он отсчитал её за ошибки, предупредив, чтобы она была внимательней. Девушка взяла себя в руки и постепенно увлеклась процессом. Через некоторое время главбух отправила её опять к Никитину за папкой с документами, когда она вошла, тот разговаривал по телефону, и махнул рукой, показывая, где лежат документы.

Люда не глядя схватила папку и ушла, положив её на свой стол она занялась расчётами, что-то смущало её, кое-что не сходилось, но она не стала никому говорить об этом. Когда главбух подошла и забрала папку, под ней остался лежать листочек, и когда, уже в конце рабочего дня, Люда заметила его и прочитала, её заколотило, вот оно доказательство! В её руках была накладная, которая явно указывала на факт

хищения с завода красной икры и краба на сумму тридцать тысяч рублей. Это была как раз недавняя сделка.

Воры! Мошенники! Сколько же они нахапали? У Люды всё кипело внутри, надо их вывести на чистую воду! Спрятав важную улику, она отправилась домой. После того кошмара, что случился с ней, Люда сказала, что больная и перестала спать с мужем, она просто не могла, нужно было время, чтобы она смогла жить с этим. Вера Ивановна догадывалась, что случилось что-то плохое, но Люда молчала, она не собиралась рассказывать ни ей, ни Андрею о своём унижении. Только на следующий день Никитин обнаружил пропажу накладной, это была катастрофа. Но методично перебирая всех, кто заходил в его кабинет, он понял, где искать бумагу. Вот дурочка, мало ей проблем, ведь Молчанов сгноит её, а если она не отдаст, мне придётся доложить ему.

Размышляя, Никитин решил попробовать забрать сам документ, объяснить ей последствия. Но Люда отказалась.

– Я не отдам накладную, пусть вами займётся ОБХСС, – твёрдо сказала она.

– Люда ты не понимаешь куда залезла, всем будет плохо, – увещевал её главный экономист.

– Я вынужден доложить Молчанову.

– Я так и думала, что вы работаете в паре, докладывайте, я не боюсь. – И она вышла.

Обращаться в отдел по борьбе с хищениями, она не решилась. Люда боялась, но надеялась, что этот документ по-

может защититься от дальнейших приставаний директора.

Молчанов и Никитин, молча, потягивали коньяк. Директор заметно нервничал.

– Ну как ты мог бросить на столе такую улику? У тебя, что совсем мозгов нет? Или ты уже, вообще, ничего не боишься? Провалы всегда и случаются из-за таких мелочей. И что нам теперь делать?

– Может попытаться уговорить как-то?

– Это бесполезно, надеюсь, ты понимаешь, что свидетели нам не нужны? Надо звонить Смирнову, пусть подключает Жору.

Этого Максим и боялся, Жора был бандит, неизвестно какие дела связывали его с партийной шишкой Смирновым, но в пьяном разговоре Виталий один раз обмолвился, что Жора для него сделает всё что угодно.

– Олег, может не надо? Ведь жалко девчонку.

– А себя тебе не жалко? Или ты в тюрьму захотел, а? Нет уж, решено, звоню Смирнову.

Люда и не представляла, какие тучи сгустились над её головой. Весь день, прождав вызова к директору, где собиралась предъявить свой ультиматум так и не дождалась его, что удивило её и насторожило. Девушка поняла, что они что-то задумали, но решила не сдаваться. Дома она увидела, что Андрей очень расстроен, и избегает её.

– Милый, что случилось? Ты почему такой сердитый? Что-то случилось на новой работе?

– На работе всё в порядке, просто встретил одного человека, и он меня просветил. У Люды сжалось сердце, вот оно началось, оправдываться не хотелось.

– И что, ты поверил? – холодно спросила Люда.

Андрей посмотрел на неё:

– А ты бы поверила?

– Я? Никогда! Я слишком люблю тебя и верю тебе всегда, и даже тогда, когда тебя приносили бесчувственного, и ты по несколько дней не приходил домой ночевать!

– Прости, но ты ведь недавно тоже не ночевала дома, и после этого, почему-то не подпускаешь меня к себе, и у меня зародились сомнения, понимаешь?

– Понимаю, ничего, всё будет хорошо.

Они обнялись и долго сидели, разговаривая, пока не пришла Вера Ивановна. Она опять ездила к отцу Елисею. Вернулась умиротворённая и счастливая. Они дружно поужинали и разошлись по своим комнатам. В субботу Люда решила навестить Галю. Она вышла из дома, погода стояла прекрасная, пахло солнцем, морем и девушка захотела прогуляться. Люда шла, наслаждаясь прогулкой, и не замечала, что за ней идёт от самого дома мужчина. Ей осталось пройти через проулок, и она была бы на месте, но как только она завернула, в бок ей ткнули что-то острое и мужчина, дыша перегаром, предупредил:

– Дёрнешься, убью! Тихо, молча, идём в подъезд, ясно?

Люда испуганно кивнула. Спутник обнял её за плечи и

быстро завёл в подъезд, там было темно, и девушка ничего не могла разглядеть. Тут открылась дверь и её грубо втянули внутрь. В комнате было светло, и она успела увидеть Молчанова, Никитина и ещё каких-то людей, и прежде чем успела что-то сообщить, почувствовала лёгкий укол в шею и отключилась.

В квартире было сильно накурено, все были пьяны.

– Ну, все начальник, мы отчаливаем, через пару часов подгребём, лады?

– Да Жора, мы управимся за это время, – хохотнул Молчанов.

Жора со своими дружками вышел. В квартире остались директор, Никитин, и Смирнов. Олег Иванович налил всем выпить:

– Давайте выпьем за успех нашего предприятия.

– Жалко девчонку, – угрюмо сказал Максим, – может не надо?

– Ты что? Она же нас всех посадит, ишь добренький, какой нашёлся, сиди и молчи, а то можешь и сам разделить участь.... – прошипел Смирнов.

Никитин замолчал и стал наливать спиртным.

– Пора, сейчас она очнётся и будет ловить кайф, так что сейчас с ней можно делать все, ей будет это только нравиться. Жора достал где-то укольчик, говорит проверено, баб заводит капитально, – сказал Смирнов, вставая. – Я первый, надеюсь никто не против?

Максим отвёл глаза, а Молчанов только скрипнул зубами, против Виталия Смирнова не попрёшь. И, вообще, он был против этого насилия, но Смирнов сказал, что грех напоследок не попользоваться красоткой, и он промолчал, не решился пойти против него. Смирнов отсутствовал полчаса, оставшиеся просидели это время, молча, боясь смотреть в глаза друг другу. Вышел он довольный:

– Кто следующий? Девочка хороша, даже жалко её в тюрьму отправлять.

Молчанов ушёл, а Смирнов, выпив, подмигнул Максиму:

– Тебе придётся последнему.

– Я не могу, не пойду.

– Пойдёшь! А иначе.... – хищно оскалился тот, – чистеньким хочешь остаться? Не выйдет!

Максим опустил голову, вот до чего он докатился! И выхода нет никакого! Если бы не был он таким трусом! Как он ненавидел сейчас эту самодовольную рожу! Он налил себе полный стакан, выпил. Вскоре вышел Молчанов, и Максима практически втолкнули в спальню. Люда лежала совершенно обнажённая и улыбалась, она была в эйфории, ей виделся какой-то свой мир с яркими красками. Повернув голову, Люда увидела Андрея:

– Что ты стоишь, милый? Иди ко мне.

И Максим, увидев, что девушка, о которой он мечтал, протягивает ему руки, забыв о своих угрызениях совести, бросился к ней.

Когда Люда проснулась, в голове её немного прояснилось, и она увидела, что лежит голая, в чужой квартире. Она встала, и увидела свою одежду, протянула руку, чтобы взять её, и тут взгляд её упал на свою руку, она была в крови, девушка посмотрела на вторую руку, та была тоже в крови. До её ещё затуманенного наркотиком сознания не дошло, что это кровь. Она в недоумении посмотрела по сторонам, и вышла из комнаты, она понимала только, что руки у неё грязные, и их надо помыть.

В коридоре Люда споткнулась обо что-то лежащее на полу, добравшись до выключателя, она включила свет и закрычала. Вся прихожая была в крови, а на полу лежали двое. Когда девушка разглядела это, она свалилась без чувств, прямо на своего мёртвого мужа. Когда приехала милиция, все трое так и лежали, и Люда ничем не отличалась от мёртвых тел. Очнулась она в больнице, потом были допросы, но девушка опять впала в ступор, а врачи только разводили руками. Люда превратилась в ребёнка, пела, резвилась, разговаривала сама с собой. Следователь сначала думал, что она искусно играет роль, но вскоре понял, что это не игра. Шаховской была назначена судебно-медицинская экспертиза, которая признала её невменяемой, и Люду отправили в психиатрическую клинику закрытого типа.

Через несколько месяцев выяснилось, что Люда беременна. В клинике, девушку жалели, она была тихой, никому не доставляла беспокойства, и к ней не стали применять силь-

ные психотропные средства. Сам заведующий клиникой Николай Петрович Кольцов, заинтересовался этим случаем, поскольку он был специалистом в своей области, он понял, что сильный эмоциональный шок, вызванный трагедией, временное явление и девушка придёт в себя.

Кто-то в верхах, очень интересовался Шаховской, но Кольцов решил скрыть факт беременности, сам не зная почему, он пожалел Люду. Вскоре о девушке забыли и перестали интересоваться, этому помогло заявление заведующего, что болезнь Люды процесс необратимый, и она уже не станет никогда, такой как была. На этом всё и стихло. Николай Петрович часто заходил к девушке и беседовал с ней, она чувствовала себя гораздо лучше и вспомнила свою жизнь до момента окончания института. Но доктор очень хотел узнать, что случилось дальше. Вот и сегодня, он зашёл к Люде, та лежала на кровати, увидев Николая Петровича села и поздоровалась. Он присел рядом:

- Ну, рассказывай, как самочувствие?
- К маме хочу, почему она не приходит?
- А больше ты никого не хочешь увидеть?
- У меня нет больше никого, только мама.
- Я обещаю, что ты увидишься с мамой, но ты должна вспомнить всё что было после того как ты закончила институт.

Люда наморщила лоб, темнота, кругом одна темнота, она напрягла память и вдруг испытала такой панический ужас,

что закричала. Кольцов быстро успокоил девушку, её ещё немного трясло, когда она попыталась объяснить ему:

– Я не могу вспомнить, там какой-то барьер в голове, а дальше очень страшно! Я боюсь! Пожалуйста, не заставляйте меня это делать!

Кольцов вышел, пусть придёт в себя, она скоро всё вспомнит, и кто знает, может быть то, что она расскажет, пригодится ему.

Глава 3

Вера Ивановна после всего случившегося, пропадала у отца Елисея, он привёл её в староверское поселение, и она молилась день и ночь, и блуждала по тайге со старым священником. После возвращалась в город, в городе было много верующих людей, Вера Ивановна встречалась с ними, находила нужные слова, укрепляла веру, если бы не это, не выдержало бы её сердце такого испытания. Шло время, и однажды вечером раздался звонок телефона:

– Шаховская? Вера Ивановна?

– Да, это я.

– Нам необходимо поговорить, жду вас через час на вокзале, это касается вашей дочери. Стойте на крыльце у входа.

И в трубке послышались короткие гудки. Женщина положила трубку, руки её тряслись, схватив с вешалки платок, она накинула его на голову и выскочила из дома. Через полчаса она была уже на вокзале и оставшееся до встречи время не знала, куда себя деть, то садилась на лавочку, то вставала и ходила до фонаря и обратно. Наконец, стрелка на вокзальных часах подошла к восьми, и Вера Ивановна бросилась к входу, через несколько минут томительного ожидания, к ней подошёл мужчина лет пятидесяти:

– Вера Ивановна?

Она смогла только кивнуть.

– Не волнуйтесь, пойдёмте. Меня зовут Николай Петрович, я главврач клиники, где находится ваша дочь. Сейчас я совершаю должностное преступление, разговаривая с вами, но я пожалел Люду, и поэтому я здесь. Дело в том, что в данный момент ваша дочь рождает, роды тяжёлые, она мучается уже вторые сутки. Ребёнка отдадут в детдом, но я мог бы на свой страх и риск отдать его вам, но не бесплатно, я сильно рискую, вы понимаете?

– Хорошо, я согласна.

– Тогда сейчас мы поедem к ней, она рождает в палате, поскольку я не имел права оставлять ребёнка, у неё нет квалифицированной помощи, мы, к сожалению, психиатры, а не акушеры-гинекологи. Да и в эту тайну посвящены кроме меня только два человека, санитар и медсестра, они сейчас и пытаются помочь ей.

– Так что же мы? Поехали быстрее!

Они сели в машину, у психиатра был «Москвич» и поехали. Вера Ивановна многое передумала за то время, что Люда провела в больнице, какой позор ей пришлось пережить, когда она узнала, что её дочь нашли голой в компании двоих трупов. Что толкнуло её на измену? Её дочь прелюбодейка и убийца! На ноже были обнаружены её отпечатки пальцев, нашлись свидетели, которые утверждали, что Люда меняла любовников, чуть ли не каждую неделю, а убитого ею коллегу видели довольно часто, он иногда встречал её после работы.

Против Люды были все улики, и посадили бы её надолго, если бы сочли вменяемой. Вера Ивановна не знала, что было лучше, тюрьма или психушка, подумав она, решила, что хрен редьки не слаще, и дочь свою она может вообще не дожидаться, а ребёночка спасти она должна.

– А если бы я отказалась забрать ребёнка, куда вы бы его дели?

Кольцов устало посмотрел на женщину:

– Она ещё не родила, и неизвестно родит или нет, ну а так, вообще, пришлось бы отдать в какой-нибудь специализированный интернат, потому что у больной матери, рождаются больные дети.

– Вы думаете, что ребёнок родится больной? Но ведь Люда была абсолютно здорова, пока не случилось это....

– Вот поэтому я и сохранил ей ребёнка, девяносто процентов из ста, что он будет здоров, не считая конечно небольших проблем с психикой. Ребёнок может быть или пассивным, чуть заторможенным или гиперактивным, разрушающим всё на своём пути, но если с детства контролировать его действия, то я думаю, всё будет в порядке.

Машина подъехала к высокому забору, обтянутому колючей проволокой. Кольцов вышел, позвонил в звонок и ворота открылись. Они поехали по дороге мимо длинного серого здания, и остановились у торца. У Веры Ивановны сердце колотилось так, что казалось вот-вот выпрыгнет. Николай Петрович опять позвонил, что-то тихо сказал, и дверь

открылась, они вошли. Сразу возле двери стояла железная решётка, которую главврач открыл ключом, потом он быстро затащил женщину, в какую-то комнату, где дал ей белый халат.

– Ни с кем не разговаривать, не пугаться, держать себя в руках, ясно?

– Да-да, я всё поняла.

Вера Ивановна никогда не была в таком месте, и когда они пошли по коридору, у неё волосы встали дыбом, от нечеловеческих криков, воя, хохота, раздававшихся из-за закрытых дверей. Она заткнула уши, господи, бедная девочка, в этом аду! Но тут же гнев вытеснил жалость, сама заслужила такую участь, пусть теперь несёт свой крест до конца! А она будет молиться за неё. Наконец, после долгих переходов по этажам и коридорам, они подошли к палате, возле которой дежурил санитар, мужчина крепкого телосложения с угрюмым лицом.

– Ну как она? – спросил Кольцов.

– Не знаю, там Лена, – пожал плечами санитар.

Николай Петрович открыл дверь, и они вошли. Люда металась на кровати, глаза её были закрыты, измученное лицо выделялось белым пятном на серой наволочке. Вера Ивановна подошла к кровати:

– Люда, ты меня слышишь?

В это время главврач спросил у медсестры, как она, та ответила, что головка уже показалась и нужно последнее усилие, но девушка так устала, что не может его сделать.

– Мама, – прошептала Люда и открыла глаза. И собрав последние силы, напряглась и вытолкнула плод из себя, и когда раздался крик новорождённого, в мозгу у девушки как будто что-то щёлкнуло, и она вспомнила всё.

– А-а-а, мама я не убивала! Андре-ей! – закричала она.

Медсестра быстро сделала ей укол и девушка вскоре успокоилась. Младенца обмыли, перевязали пуповину, с виду ребёнок был вполне нормален, это была девочка. Николай Петрович что-то прошептал сестре, и она вышла.

– В вашем распоряжении десять минут, – сказал Кольцов и вышел.

– Мама, поверь, я не виновата, это всё они подстроили.

Люда схватила мать за руку, но Вера Ивановна вырвала руку, она не верила ей.

– Если хочешь, напиши дочери записку, ведь ты вряд ли увидишь её. Я выращу её, и постараюсь оградить от мужчин, чтобы не повторила она твою судьбу.

Люда попросила мать, взять у главврача, который стоял за дверью, ручку и бумагу, и когда он дал, написала несколько строк.

– Мама, назови её Настей.

– Хорошо, я буду молиться, за тебя.

Вера Ивановна запеленала крошку в простыню, больше ничего не нашлось, и поднесла к дочери:

– Попрощайся.

Люда сквозь слезы пыталась запечатлеть в своей памяти

образ дочери, малютка казалась вполне довольной и пускала пузыри, беззубым ртом. Тут зашёл Николай Петрович:

– Всё, пора, скоро пересмена, нужно быстрее уходить.

Вера Ивановна забрала ребёнка:

– С ней будет всё в порядке, прощай!

И вышла, глотая слезы, даже не поцеловав дочь на прощание, за что все последующие годы кляла себя. Всю дорогу, пока Кольцов вёз её домой, она думала, за что бог так наказал их семью? Люду она вырастила сама, Алексей, отец Люды, погиб сразу после её рождения. Рыболовецкий траулер затонул, попав в сильный шторм, и с тех пор она даже не взглянула на другого мужчину, хотя предложения были, но она решила посвятить свою жизнь дочери.

И правда не знаешь, где упадёшь, ведь были у неё предчувствия, что этот брак плохо закончится. «Не сумела я, убереечь дочь, сумею ли убереечь внучку?» – подумала Вера Ивановна. «Нужно отдать её, я не хочу к ней привязываться, мои помыслы и вся оставшаяся жизнь, теперь принадлежат Господу, но позволить погибать девочке, где-нибудь в детдоме я не могу». Они с Николаем Петровичем доехали до дома. Зашли в квартиру, ребёнок заплакал, Вера Ивановна повернулась:

– Уйдите, пожалуйста. Завтра в семь, я расплачусь с вами, здесь дома у меня всё равно ничего нет, за деньгами мне нужно ехать. Но вы не переживайте, я вас не обману.

– Я верю вам, позвоню в половину седьмого. И Николай

Петрович пошёл к выходу.

– Подождите! Последний вопрос, скажите, моя дочь выйдет оттуда?

– Определённо, я не могу сказать, – пожал плечами он. – Сейчас, она почти нормальна, рецидив прошёл, она не агрессивна, я бы отпустил её прямо сейчас, дома она бы совсем оправилась. Но, к сожалению, она убийца, и кто знает, что будет дальше, поэтому я не имею права выписать её. Нужно понять первопричину, что толкнуло её на убийство? Каковы мотивы? И почему случился сбой в психике? И скажу больше, ею очень интересуются, там, наверху, и почему-то мне кажется, что они не будут рады, если ваша дочь выйдет на свободу. Понимаете, я скрыл, что Люда беременна, пожалел девочку, не стал назначать ей психотропные лекарства, хотя мне чуть ли, не приказали сделать это. И если об этом узнают, у меня будут большие проблемы. Я думаю в клинике она в большей безопасности, чем на свободе. Я сам буду наблюдать её, и возможно, через какое-то время, когда про неё забудут, она вернётся к вам.

– Спасибо вам доктор, скажите, можно изредка звонить вам?

– Лучше я сам буду держать вас в курсе.

И попрощавшись, Кольцов ушёл. Вера Ивановна покормила ребёнка. «Надо найти кормилицу, не дело кормить из бутылочки, здоровья не будет», – подумала женщина. Уложила внучку, и присев рядом задумалась. Что-то не верилось

Вере Ивановне в доброту Кольцова, видно, что деньги тут играли первую роль. «Ну, да Бог с ним, главное девочка, завтра же её определю в хорошие руки»,— решила она.

На следующий день Вера Ивановна с маленькой Настей, запасом пелёнок и молока отправилась к отцу Елисею. Стал он дряхл, но блеска в глазах не утратил. Встретил гостей с радостью, а когда увидел малышку, совсем растаял:

— Матушка, да где ж ты взяла такое чудо? Не уж то сама родила?

Матушка выпучила глаза, и перекрестилась:

— Ты что это, отец, с дуба упал? Внучка это моя, Люда родила в психушке.

Отец Елисей, знал всё о трагедии, случившейся в их семье, и в отличие от матери, жалел Люду.

— Ох, бедная, какие испытания послал ей Господь, что ж теперь делать, то?

Когда Вера Ивановна рассказала ему всё о вчерашних событиях, он в раздумье почесал затылок:

— Ну, с деньгами не проблема, возьмёшь из кубышки, сколько нужно, а девочку куда?

— А если в общину? Многие из них уже отказались от старообрядчества, к православной вере склоняются, и всё благодаря тебе, отец.

— А что? Это мысль, люди там хорошие, и тебя все знают и уважают за то, что ты собралась Белореченский монастырь восстановить, пойдут за тобой люди. Верят в тебя Ве-

ра, видишь и имя у тебя такое. Мне тебя сам Господь послал, знаю я, у тебя всё получится, народ исстрадался, нельзя отнимать у людей то, что им необходимо. Ведь Господь, это доброта, любовь и милосердие, а без этого нельзя жить человеку. Скоро возведу тебя в сан, имею на такой случай полномочия, выданные мне архимандритом Наумом, перед тем как расстреляли его коммунисты. Посмотришь, матушка сгинут коммунисты, возродится Россия, всё вернётся на круги своя. Ну ладно, что-то я заболтался, пошли уж, устраивать твою красавицу.

Идти было далеко, но отец Елисей за долгие годы своего отшельничества, изучил в тайге всё, что можно. В лесной глуши пряталось не одно поселение старообрядцев, много их бежало после революции, так и прижились они в этих краях. Власти, конечно, знали про них, но, сколько не пытались, так и не смогли с ними ничего поделаться. Беженцы, каким-то образом узнавали об их приближении заранее и исчезали в неизвестном направлении. Потом на них плюнули и забыли, поскольку хлопот никаких они не доставляли, законов не нарушали, и вроде бы их и не было. Поговаривали, что откупились они, золотишко у них имелось, но правды никто не знал.

– Сейчас, я матушка тебя быстрою тропой проведу, я, правда, редко по ней хожу, но ты не сомневайся, дорогу помню.

– Давай уж, отец, а то она хоть и маленькая, да всё равно

тяжело нести.

Они вышли к болоту, сплошь покрытому осокой, кое-где торчали чахлые деревца.

– Ох, батюшка, а мы тут не утонем? Страшновато что-то.

– Не бойся, тропу я знаю, а ты иди за мной шаг в шаг, поняла? За час дойдём.

Он срезал две тонкие осинки, очистил их. Потом из платка соорудил некое подобие гамака, куда и положили малышку, концы платка Вера Ивановна завязала на шее, и они двинулись в путь. Идти оказалось не страшно, дно было довольно твёрдым, и продвигались они быстро. Вскоре они миновали болото, и вышли в берёзовую рощу. Стояло лето, было тепло и ясно, и путники присели отдохнуть под берёзкой, Настя мирно спала, она оказалась на редкость спокойным ребёнком, поев, сразу засыпала. Переход через болото не разбудил её, и она лежала, улыбаясь во сне. Бабушка залюбовалась ею:

– Какая красавица, а отец? Посмотри.

Старик вгляделся в личико, и девочка открыла глаза, с минуту рассматривала бородатое лицо, склонившееся над ней, и вдруг улыбнулась и потянулась ручкой к бороде.

– Ты смотри, не боится, смелая будет.

И отец Елисей, как будто что-то разглядел, вдруг нахмурился:

– Откуда в ребёнке такое? Не пойму. Погибель она нести будет, страшная сила в ней. Монастырь восстановишь, де-

вочку там держи, авось и обойдётся.

У Веры Ивановны мурашки побежали по коже от таких слов, что же это такое? Почему? И с этой девочкой что-то не так? Ну, да она приложит все силы, чтобы не допустить этого. Они продолжили путь, молча, каждый думал о своём. Через некоторое время, они вышли на пригорок, с которого открывался вид на поселение. Их уже заметили, навстречу вышел староста.

– Добро пожаловать, гости дорогие! Мы уж вас ждём! Новость хотим сообщить. Все у нас почитай, в христианскую веру обратились, кроме двух хозяйств, но они нынче уходят от нас, не желают с нами жить дальше, да и пускай идут с Богом, спокойней будет. А то боюсь дело до худого дойти может.

Они зашли в добротнo построенный, просторный пяти-стеноч, прошли в горницу. Вышла хозяйка Клавдия, увидев ребёнка, всплеснула руками:

– Да где ж вы взяли такую маленькую? Покормить её надо, шли-то долго, проголодалась, небось, малышка?

И Клавдия, забрав ребёнка, ушла в комнату. Староста смущённо пояснил:

– Баба-то моя, седмицу назад разродилась сыном, Владимиром нарекли, молока много у неё, накормит ваше чадо.

Вера Ивановна переглянулась с отцом Елисеем, вот и выход, кормилица есть, осталось её уговорить взять девочку. Тут появилась старшая дочь старосты, проворно накрыла на

стол и ушла. Помолившись, перекусили, и отец Елисей решил, что пора приступать к делу:

– Мы к тебе Ефрем, по делу пришли. Девочку, пристроить надо на время. Возьмёшь?

– А чего ж не взять, если надо? Слава Богу в достатке живём, прокормим, – ответил староста. – Сиротка?

– Сиротка, – согласился старик, покосившись на Веру Ивановну. Та молчала. – Подрастёт малость, в Христовы Невесты определим.

– Ну, пойду я тогда хозяйке скажу, обрадую, будет у Володьки сестрёнка. – И хозяин вышел.

На обратном пути, Вера Ивановна подавленно молчала. Старик, понимая её состояние, с разговорами не лез. Так молча, и дошли до сторожки отца Елисея. В сторожке, он достал свою кубышку:

– Возьми, сколько надо, да иди, за девочку не волнуйся, она в надёжных руках. А завтра приходи, придумал я кое-что, как нам быстрее монастырём заняться. Есть люди, они помогут. Усталая, Вера Ивановна добралась до дома. На душе было мутно, и злость на дочь, и жалость, всё перемешалось. Она тяжело вздохнула, одно спасение, в вере, не даст Господь истерзать её душу, залечат молитвы душевные раны.

Привычно, занявшись домашними делами, она отвлеклась от горьких дум, и не сразу услышала звонок телефона. Звонил Кольцов. Сообщив ему, что дома и ждёт его, Вера Ивановна достала золотые монеты царской чеканки. «Десять

монет, не слишком ли много, для этого упыря?» – с неприязнью подумала она. «Хотя на его алчности, можно сыграть, у него наверняка есть связи». У женщины родился план, сейчас он придет, и она предложит ему золота, если он поможет ей. Вскоре Кольцов появился. Когда он увидел монеты, он потерял дар речи, у простой женщины, пенсионерки, такое богатство, откуда?

Была у Николая Петровича слабость, за деньги готов был продать родную мать. Из-за этого и не поехал в Москву, куда его приглашали на работу, здесь, как ему казалось, у него было больше возможностей для обогащения, в этом приморском городе он был царь и бог. И он действительно был прекрасным специалистом в своей области, и гордился этим. Осмотрев монеты, попробовал их даже на зуб и понял, что они настоящие. Вера Ивановна брезгливо наблюдала за ним.

– Вы довольны? Мы в расчёте?

– О да, я очень доволен, и имею к вам разговор. Я могу за дополнительную оплату сообщать вам о здоровье вашей дочери, за небольшую оплату.

– Пожалуй, мне это не нужно, – усмехнулась она, как она и ожидала, врач заглотил наживку. – Мне нужны другие ваши услуги.

– Какие же? – заинтересовался он.

– Что вы знаете о Белореченском монастыре?

Кольцов задумался, очень необычный вопрос, он ожидал чего угодно, но причём здесь монастырь?

– Очень мало, раньше в нем была пионерская здравница, его перестраивали вроде бы. Но потом, что-то не заладилось у них, и уже лет пять он стоит, никому не нужный, потихоньку ветшая.

– И почему же, не заладилось? – живо спросила женщина.

– Понимаете, я коммунист, и верить во всякую чертовщину, мне как-то... – он замолчал.

– Ну, а всё-таки? – не отставала Вера Ивановна.

Николай Петрович поморщился, вот привязалась со своим монастырём, зачем ей это?

– Поговаривают, бродят там духи всякие, вроде бы видели попа, который был настоятелем, грозился сильно. Да и вообще там что-то странное творится, детишки напугались очень, и взрослые тоже. Так и забросили монастырь. А вам зачем?

– Если бы вы помогли мне, я бы вас в обиду не оставила. – Вкрадчиво сказала Вера Ивановна. – Велит мне Господь возродить к жизни этот монастырь.

Врач изумлённо посмотрел на женщину:

– И как вы себе это представляете? Это же государственное имущество.

– Вот у нас и будет государственное предприятие, дом престарелых, ведь у нас в городе его нет. А стариков достаточно, мешают молодым жить, а там им будет хорошо. Только монастырь будет женский. Понимаете, под это вывеской, мы потихоньку отреставрируем его, приведём в порядок.

– Кто это мы?

– Вы доктор не представляете, как нас много, верующих людей и увидите, скоро прекратятся гонения, и люди не будут молиться при закрытых дверях и шёпотом.

– Обещать я вам ничего не могу, но попробую, есть у меня один хороший знакомый, многое может.

– Попробуйте, и увидите, Господь наградит вас.

На этом они и распрощались. Николай Петрович был удивлён, вот это тётка, на дочь ей наплевать, задумать такую аферу! Сила! Но вообще-то может сработать, дом престарелых, ха-ха! Он доехал до клиники, хотел зайти к Шаховской перед сном, что-то она его беспокоила. Миновал три этажа. Два, из которых занимали буйные больные, сброд, каких поискать. Люду он так и оставил в одиночной палате, по-человечески её жалея.

Утечки информации он не боялся, два человека, которые знали о родах, медсестра и санитар, были ему преданы. Беспокоили его, только телефонные звонки, которые опять возобновились, периодически напоминая ему, что девушке грозит опасность. На них он отвечал одно и то же, прогрессирующая шизофрения, улучшений нет. Кольцов уже много узнал от Люды, она рассказала все предшествующие события, он не торопил её. Психика её была ещё слаба, и нужно быть очень осторожным, чтобы помочь пережить ей это. Когда он зашёл в палату, девушка сидела, склонив голову, и писала, доктор сам принёс ей карандаш и бумагу.

– Добрый вечер, Люда. Что пишешь?

– Письмо, Настеньке. Я буду писать ей каждый день, чтобы она знала, как я люблю её и скучаю.

– Хорошо, а пока отложи письмо, и давай поговорим.

Люда не хотела разговаривать на ту тему, о которой любит говорить доктор, но знала, что это нужно для успешного лечения, а она очень хотела домой, к маме. Только мама не верит ей, и думает, что она виновата, но ведь это не так! И девушка сама, без наводящих вопросов, начала рассказывать. Когда через два часа, Николай Петрович вышел от неё, он радостно потирал руки, всё случилось, как он и предполагал, девчонку подставили. Теперь можно подставить их, и он сдерёт с них три шкуры, и доктор пошёл, на ходу обдумывая план действий. В коридоре, он увидел санитаря Василия, которого он вытащил из тюрьмы, служившего ему верой и правдой, вот уже пять лет.

– Василий, с четыреста пятой глаз не спускай, если что сразу звони.

Тот кивнул, и Кольцов заметил какой-то странный блеск в его глазах.

– Ты не заболел? Вид, у тебя какой-то нездоровый.

– Да нет, нормальный я.

И Василий, опустив голову, поспешно прошёл мимо. Если бы Кольцов не был так задумчив, он, вероятно, заметил бы что с Василием что-то не так, но, к сожалению, доктор был так занят своими мыслями, что спокойно прошествовал

дальше.

Санитар, мужчина лет тридцати, был огромного роста с непропорционально маленькой головой, и внешне сильно напоминал гориллу. Но, несмотря на отталкивающую внешность, человеком был добрым и даже где-то сентиментальным. На протяжении пяти лет он ничем себя не замарал в глазах Кольцова, исправно нёс свою нелёгкую службу, выполнял разные поручения доктора, в том числе деликатные. Была у Василия только одна страсть, к выпивке, выпив, он становился непредсказуемым, что в сочетании с его силой, делало его опасным. Когда Николай Петрович помог ему, он клятвенно заверил его, что пьянству – бой, и держал слово все эти годы. Но сегодня он встретился со старым другом, которого не видел много лет, и не сдержался, выпил, и теперь ему очень хотелось сделать доброе дело, помочь кому-нибудь, утешить. Проверив все двери, этажи, он принялся мыть полы. Когда он добрался до палаты Люды, то услышал из-за двери плач. Сердце кольнула жалость, санитар открыл дверь и вошёл.

До этого момента Люда не видела Василия, когда палаты убирались, больных выводили и запирали в помещении, которое служило так же карцером, поочерёдно каждую палату. Этим занималась медсестра. Когда палата была убрана, жильцов водворяли на место, и так все палаты. В женском отделении старались не держать мужчин, многие больные были сексуально озабочены, и приходилось очень строго следить

за их поведением. Люда сидела и плакала, с того момента как к ней вернулась память и осознание происшедшего, слезы её практически не высыхали. Когда она увидела санитаря, то испуганно замерла. Василий закрыл дверь на ключ, и присел к девушке на кровать:

– Ну, что ты? Не плачь, ты такая красивая. Чем тебе помочь?

И протянул руку, желая погладить девушку по голове. Санитар не хотел ничего дурного, он просто хотел утешить, но в момент, когда огромная волосатая ручища, потянувшись к ней, у Люды в голове как будто взорвалась бомба. Молниеносным движением, она вонзила ему прямо в глаз карандаш, который был зажат у неё в руке. Смерть наступила мгновенно.

Когда утром, открыла дверь медсестра, женщина, которая пятнадцать лет проработала с психически больными людьми, она едва сама не потеряла рассудок. Василия как будто истерзал дикий зверь, его плоть была вырвана кусками, вокруг все было в крови, и среди всего этого ужаса Шаховская Людмила, сидя на полу у стены, улыбаясь, напевала песенку. Медсестра Тамара Сергеевна, быстро закрыла дверь, и помчалась в туалет. Её рвало и выворачивало наизнанку, такого ужаса она не видела никогда. Наконец, ей немного полегчало, и она позвонила Кольцову:

– Николай Петрович, у нас ЧП. Срочно приезжайте.

– Что случилось, Тома?

– Любимица ваша таких дел натворила, теперь не отмо-
емся.

– Никому ничего не говори, я скоро буду.

Когда прибывший Кольцов увидел то, что натворила Люда, он стал быстро раздавать указания. Шаховскую напичкали лекарствами, отмыли и отправили в другую палату. Все привели в порядок и, решив дружно, что Василию уже всё равно, свалили всю вину на него. Якобы он сам принёс с собой злосчастный карандаш, и видимо стал домогаться девушку. Николай Петрович был огорчён, ведь он самонадеянно думал, что справился с болезнью девушки, а теперь придётся выкручиваться перед начальством.

Да и Шаховскую ему было жаль, теперь ей долго придётся пробыть в этих стенах. Кольцову повезло, расследование провели кое-как, виноватым, посчитали санитаря, а девушку пришлось перевести в «буйное отделение» и изолировать. Она опять была одна, и большую часть спала одурманенная средствами, которые ей стали в избытке колоть. Люда осталась одна в своём мире, и возможно ей там было лучше, поскольку в этот мир она не торопилась возвращаться. И Николай Петрович назначив ей щадящее лечение, оставил её на время в покое.

У Веры Ивановны и отца Елисея, дела продвигались успешно. Старику помогали с одной стороны, женщине с другой, и в итоге совместные действия сторон, дали хорошие результаты.

У молодой женщины, которая приходила молиться к Отцу Елисею, отец был секретарём обкома, и она имела на него большое влияние. Судьба женщины не сложилась, она любила женатого мужчину, который был счастлив в браке, и поэтому шансов у неё не было никаких. Эта любовь буквально сжигала её изнутри, и если бы не нашла она утешения в молитвах и беседах с отцом Елисеем, то скорее всего наложила бы на себя руки. Отец Ани знал, что её спасло и, хотя был коммунистом, не имел ничего против церкви, он был счастлив, что дочь стала отходить от своей страсти и снова начала улыбаться. Когда дочь рассказала о том, что люди, которые помогли ей, хотят восстановить Белореченский монастырь, он обещал помочь. А Кольцов, со своей стороны, желая обогатиться за чужой счёт, тоже развил бурную деятельность. Вере Ивановне, он пока решил не говорить, что случилось с Людой, да она и не спрашивала, казалось, она забыла о дочери.

Прошло два года. Дом престарелых был открыт, отец Елисей, видя, что мечта его сбывается, успокоился и почил в бозе, перед смертью произведя Веру Ивановну в сан игуменьи, теперь она стала матушка Филарета. Кольцов решил заняться шантажом, но не преуспел на этом поприще, да и ни на каком другом тоже, разбился на машине, кто-то аккуратно перерезал на его машине тормозной шланг. Так золотой телец сгубил весьма перспективного доктора. Матушка Филарета, привела в порядок жилые помещения, на это ушло много, да

плюс взятки, и не заметила, как золотой запас отца Елисея подошёл к концу. Пока у неё проживало семь старушек, но добровольных помощников было много, вопрос упирался в деньги.

Нужно было отреставрировать церковь, часовню и многое другое и матушка ломала голову, где найти финансы. И вот однажды ей приснился сон, как будто сошла к ней Божья мать и поманила её за собой. Она послушно пошла и, войдя в старую часовню Богородица, нажав выступ в дальнем углу, показала матушке открывшийся коридор. «Здесь найдёшь ты то, что тебе нужно», – сказала она и исчезла. Матушка проснулась в холодном поту и, призвав свою помощницу Анну, рассказала ей свой сон.

– Не иначе, матушка, вещий сон ты видела, погоди, наступит утро, сходим в часовню, – в раздумье сказала Анна.

Утром, едва дождавшись рассвета, они взяли с собой фонарь и отправились в часовню. Их изумлению, когда выступ сработал и камень, сдвинувшись, открыл вход в коридор, не было предела. Они зажгли фонарь и осторожно двинулись вперёд, коридор уходил вниз и несколько раз поворачивал в разные стороны. Пахло сыростью, и на головы капала вода, но женщины смело шли всё дальше и дальше, и вот, наконец, они вышли в просторное помещение. Откуда-то сверху пробивался свет, и фонарь можно было выключить. Вдоль стен, стояли какие-то деревянные ящики, когда Вера Ивановна открыла один из них, она не смогла сдержать крика:

– Аня, смотри какое богатство!

Их взору предстали иконы, в золочёных ризах, они были очень редкие и дорогие. Различные церковные одеяния и прочие атрибуты, были в отличном состоянии, как будто их только вчера туда положили. На дне сундука лежал дивной красоты крест, усеянный драгоценными камнями на толстой золотой цепи, принадлежащий, скорее всего настоятелю монастыря. Матушка, схватив крест, сказала, что никогда не расстанется с ним, её заворожил этот атрибут церковной власти. В этот знаменательный день, они обнаружили много всякого добра, а в двух сундуках нашли золото.

Людмила Шаховская, так и не пришла в себя. Она ходила, ела, что-то делала, и молчала, только смотрела пустым взглядом. Через какое-то время её перевели в общую палату, но она так и осталась отрешённой от всего мира. Звонки «сверху» прекратились, и про Люду все забыли.

Глава 4. 1993 год

Настя, лежала и обдумывала план действий на будущее. Она понимала, что для самостоятельной жизни, ей нужны деньги, поэтому и придумала как оставить в дураках похотливого врача. Настя, своей внутренней сущностью, кардинально отличалась от своей матери. Она обладала умом, природной смекалкой, и характер имела сильный. Но ей, конечно же, несмотря на все эти качества, требовался друг, наставник, человек с кем можно было бы посоветоваться. И Настя Шаховская боялась, что одна может не справиться, а возвращаться монастырь, никогда! Уж лучше в петлю. Она тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли, она подумает об этом завтра, а пока нужно вылечиться. Тут открылась дверь, и медсестра крикнула:

– Никитина, на выход!

Вика, которая, выглядела гораздо лучше, бодро поковыляла к двери. А Настя почему-то заволновалась, что-то было не так. И вдруг её словно током ударило, Никитина! Неужели? Да нет, не может быть, фамилия не такая уж редкая, нет! Добрая, смешливая Вика, к которой Настя уже успела привязаться, не может быть дочерью её врага. Или может? Девушка потёрла виски, слишком много на неё свалилось информации. Не надо раньше времени волноваться, утешала себя она, вот придёт Вика и всё выяснится. Вика вернулась

через час, счастливая и довольная. Плюхнулась к Насте на кровать и вытащила из кармана халата диктофон:

– Вот, держи, Саня у своего начальника выпросил. Вот здесь включается, а здесь выключается, поняла?

Девушки попробовали, диктофон работал исправно. Потом они прорепетировали, как будет вести себя Настя, и прилегли отдохнуть.

– Вика, а какое у тебя отчество? – спросила Настя через некоторое время.

– Виктория Максимовна, как звучит?

Кровь прилила к голове, и Настя кое-как выдавила:

– Прекрасно звучит.

– А почему ты интересуешься?

– Да так, просто любопытно.

Вот и случилось самое худшее, но ведь дети не отвечают за грехи своих родителей, так думала Настя, но ведь плохо-то будет и Вике.

– Вика, а что случилось с твоей мамой?

Девушка помрачнела:

– Да бросила она нас, когда мне год исполнился. Папа так и не женился больше, да и он мне признался недавно, что всю жизнь любит другую женщину, Людмилу, но она давно умерла.

– Как умерла? – враз охрипшим голосом, спросила Настя.

– Да не знаю я или пропала, что-то в этом роде. Так что я целиком и полностью папина дочка.

Оказалось, что сегодня дежурство Юрия Петровича. Вечером он зашёл к ним в палату, всех осмотрел, мило побеседовал со старушками, и задержавшись возле Насти спросил:

– Ну как надумала?

– Да.

– Через час зайдёшь, поговорим.

В назначенное время, Настя отправилась на своё первое дело. Диктофон лежал в кармане, она включила его и вошла. Врач ждал ее:

– Проходи, Настенька, садись.

Девушка села в кресло. Юрий Петрович суетливо налил ей кофе:

– Тебе со сливками? Или чёрный?

– А какой лучше? Я кофе ни разу не пробовала.

Он удивлённо посмотрел на неё:

– Не знаю, это на любителя, попробуй со сливками, это вкусно. Настя попробовала, ничего, и, отставив кружку, спросила:

– Так, что у меня с лечением? Будет оно или нет?

– Если ты согласна, то завтра с утра начнём.

– Значит, вы будете меня лечить, только если я стану вашей любовницей, так?

– Или ты принесёшь мне деньги.

– И как мы будем встречаться? И сколько времени?

– Ты пока будешь жить на съёмной квартире, а сколько времени это займёт, не знаю, может день, может год, а может

целую жизнь.

– Но вы кажется, женаты. Это не отразится на вашей семейной жизни? Ведь жена, наверное, вас любит.

– Кто, эта корова? Да она никого не любит кроме себя. Если бы не дети, давно бы бросил её к чёртовой матери.

Настю покорило от его грубости, она встала, решив, что этого достаточно:

– Спасибо за беседу, Юрий Петрович. Скажу прямо, вы поставили не на ту лошадку. В общем так, денег я вам не дам, спать с вами я не буду, а вы ни смотря на это, завтра с утра начнёте лечение. В противном случае, я дам послушать эту запись вашей жене, и вашему тестю, который главврач этой больницы.

И Настя, быстро открыла дверь в коридор, за которой стояла Вика. Юрий Петрович понял, что проиграл и опустил руку, которой намеревался схватить эту нахалку. Дверь захлопнулась, в коридоре послышался смех, а врач никак не мог прийти в себя. На следующий день Настю стали лечить. На обходе врач, остановившись возле неё, тихо прошипел:

– Сотри запись, я, всё сделаю.

– Обязательно, но только после лечения. Он злобно посмотрел на неё и вышел.

Прошло несколько дней, первой выписали тётю Валу, женщина расплакалась, прощаясь:

– Девочки, я оставляю свой адрес, обязательно навестите меня. И ты, Настенька не потеряйся, я очень хочу знать, как

сложится твоя судьба. Если будет плохо, ты сможешь пожить у меня. Я одна, и ты мне не помешаешь.

Растроганная Настя, поцеловала пожилую женщину, клятвенно пообещав не потеряться. Потом ушла тётя Света, и к девочкам положили двух других женщин. Настала очередь Вики. Девушки стояли на крыльце, прощаясь.

– Я буду тебя навещать, а ты звони мне, хорошо? – сказала Вика.

– Да, конечно.

– Когда тебя выпишут, мы тебя заберём с папой. Жить будешь у нас на даче, она недалеко от города, а я буду приезжать на выходные. Я бы жила с тобой, но мне добираться до института далеко. Ты там отдохнёшь, наберёшься сил, а осенью куда-нибудь поступишь.

– Спасибо тебе Вика, но пока я не найду этих людей и не отомщу, никуда я поступать не буду.

– Но это же так опасно, может ну их? Пусть живут.

– Ни за что! Я не прощу им маму! И моё детство тоже.

– Тебе надо поговорить с папой, он многих знает.

«Ещё бы он не знал! Он ещё и участвовал!» – подумала Настя. Именно по этой причине она согласилась пожить у Вики. Тут подъехала машина, и мужчина, сидящий в ней, посигналил.

– Это папа, пошли, сейчас я вас познакомлю.

Когда девушки подошли, он вышел из машины, с любовью обнял Вику. Максим Викторович был подтянутым, ухожен-

ным мужчиной, лет сорока пяти, очень симпатичный, такие лица почему-то сразу вызывают доверие. И хотя Настя знала, что это враг, она невольно прониклась к нему симпатией.

– Папа, познакомься, наконец, с Настей! А то я все уши тебе про неё прожужжала. Никитин внимательно посмотрел на Настю, хотел улыбнуться, но не сумел, он вдруг сильно побледнел и схватился за сердце.

Вика испуганно схватила отца за руку:

– Папа! Папочка! Что с тобой? Настя беги за врачом, быстрее!

И Настя побежала. Он определённо узнал её лицо, ведь бабушка сказала, что она вылитая мать. Но в её планы не входило, чтобы он умер от сердечного приступа, она придумает ему более жестокое наказание, он его заслужил. Те Божьи заповеди, которые годами вбивались ей в голову, сразу вылетели из неё, она хотела только одного – отомстить!

Прибежали врач с медсестрой, Максиму Викторовичу сделали укол и посадили в машину.

– Вам нужно обследоваться, похоже, сердечко у вас не очень. – Сказал дежурный врач. – И вам нельзя сейчас за руль.

– Меня дочь отвезёт, не беспокойтесь, спасибо вам, мне уже лучше.

Вика попрощалась с Настей, и они уехали. Всю дорогу Никитин молчал, вспоминая давние события. Неужели, она дочь Люды? Не может быть. Но как похожа, просто одно ли-

цо!

— Вика, так это та самая девушка из монастыря? Она знает, кто её родители?

— Да нет, откуда?

— А как ее фамилия?

— Шаховская. Да, он так и думал, в глубине души он уже знал, что Настя дочь той, которую он так и не забыл, перед которой он безмерно виноват. Которую, из-за своей трусости, так и не смог защитить. А теперь вот она кара божья, в лице этой девушки, очень похожей на свою мать. Ну что ж он поможет ей, если не смог помочь матери, поможет дочери. После того, что они сделали с Людой, он был в таком состоянии, что просто ушёл в глубокий запой. Взял больничный лист и пил целый месяц, стараясь приглушить муки совести.

А Молчанов и Смирнов, были очень довольны, что Люда, вместо тюрьмы, попала в психушку. Кто бы поверил, если бы она сказала правду? Это ведь они все спланировали, Никитин даже не знал, что дело закончится убийством, они ему сказали, что накажут её изнасилованием, и она будет молчать. Ведь никакая женщина не признается публично в таком позоре.

Сейчас, эти люди процветают, и он так и работает с ними в одной упряжке. Правда, он уже предупредил, что уходит от них. Молчанов знал заранее, что коммунистам приходит конец. Пробивной и хваткий, он предугадал эти события и вовремя позаботился о своём тыле. Сейчас у него была це-

лая сеть предприятий, в том числе завод, его родное детище, который они со Смирновым превратили в «ЗАО Рыбпром». Помимо этого, они занимались изготовлением и продажей фальсифицированного спиртного и другой деятельностью, не относящейся к законному бизнесу, но приносящей весьма высокий доход.

Смирнов открыл свой банк, правда, открыл не то слово, там была какая-то тёмная история. Хозяином там был парень молодой, афганец, но потом он куда-то исчез, и Никитин думал, что не без помощи Смирнова, который сразу возглавил совет директоров. И Максим опять послушно стал работать с ним. В «Востокбанке» они успешно отмывали деньги Молчанова, но в последнее время Никитин отказался от своей доли, и жил только на свою зарплату. Он хотел избавиться от этих людей и жить спокойно. Выдать Вику замуж и растить внуков. Вчера он пытался поговорить об этом с Виталием Смирновым, но ничего хорошего из этого разговора не получилось. Смирнов открыто пригрозил, что им легче убить его, чем отпустить.

– Понимаешь, Макс, ты ведь столько знаешь, а если наши конкуренты развяжут тебе язык? зачем нам это?

– Если им понадобится, то язык развяжут не только мне, – усмехнулся Максим. – Я обещаю, что буду молчать.

– Не дури, ты ведь не хочешь оставить дочь сиротой? А то Джафар быстро до неё доберётся, он как раз собирает девок для отправки в бордели Эмиратов. Ты же не хочешь, чтобы

твоя дочь, ублажала потных, вонючих арабов? А? Подумай над этим. Всё, иди.

На этом разговор и закончился. Дочерью Никитин очень дорожил, кроме неё, у него больше ничего не было. Тогда, когда Люду закрыли, он очень быстро женился, нашёл какую-то девку, сейчас он не мог даже вспомнить её лицо. Женился просто потому, что не мог больше приходить в пустую квартиру, но жена, родив через год дочь, исчезла в неизвестном направлении, сообщив в записке, что встретила свою любовь и уходит от него.

Честно признаться, Максим обрадовался, жену он не любил, а дочь обожал, и старался для неё как мог. Вика выросла без мамы, но не страдала от этого, им было хорошо вдвоём. Теперь же спокойной жизни пришёл конец, дочь женщины, которую он когда-то любил, перевернула всю его душу. Только теперь он осознал, какую жалкую жизнь он прожил, в вечном страхе, никогда не делая ничего по собственному желанию, живя по указке. Правда последние годы страх притупился, оказывается в нашей стране, можно воровать безнаказанно, сажают в основном мелких «шестёрок», те, кто ворует миллионы, спокойно гуляют. То, что раньше называлось спекуляцией, теперь бизнес. Никитин тяжело вздохнул, чёртова жизнь!

– Пап, ну как тебе легче? Ты должен обязательно сходить к врачу, ты мне нужен здоровый!

– Ну да, кому нужен больной, стареющий мужчина? –

улыбнулся Максим Викторович.

– Ой, да ладно пап, кому нужен, я же не слепая, вижу, как на тебя ещё женщины заглядываются.

– Главное, чтобы ты иногда на меня поглядывала, доченька, – отшутился он.

Так в разговорах, они добрались до дома.

Лечение продвигалось у Насти успешно, она уже почти не хромала и чувствовала себя, практически здоровой. Лёжа на кровати, она запоем, читала книги, которые в большом количестве таскала ей Вика. Так девушка познавала мир, через книги, ну и конечно общения ей, тоже хватало. Чего только не рассказывали женщины в палате, Настя почерпнула от них много информации.

Несколько раз приходили сестра Анна и матушка Филарета. Они жалели её и пытались отговорить, от того, что она задумала. Но девушка была непреклонна, больше никаких монастырей, она так решила и всё! Перед выпиской, они пришли попрощаться. Анна вышла, оставив бабушку с внучкой наедине.

– Бабушка, не переживай, всё будет хорошо, первое время я поживу у Вики на даче, а потом поступлю учиться и буду жить в общежитии.

– Я вот денег тебе насобираала, залезла в церковную казну, да простит меня Господь за это! Не могу же я тебя без копейки оставить. – И она заплакала. – Ты не забывай нас, навещай, двери для тебя всегда открыты.

Вскоре они распрощались, и Настя осталась наедине со своими мыслями. Она решила при первой возможности поговорить с Викиным отцом, узнать, как он настроен, если он любил её мать, то может быть ещё не всё потеряно. Она должна узнать всё, каким образом он оказался замешан в этой истории, и есть ли какие-нибудь смягчающие обстоятельства. Ей бы не хотелось причинять Вике боль, да и Никитин сам произвёл на неё хорошее впечатление, не казался он монстром. «Кто знает? Внешность часто обманчива», – подумала Настя. – «Поживём, увидим».

Зашёл Юрий Петрович, присел на кровать. Как ни странно, они стали друзьями, Настя давно стёрла запись, а он вошёл с ней как с родной.

– Привык я к тебе, скучно будет без тебя.

– Конечно, кто ж вас так повеселит, кроме меня? – хихикнула Настя.

– Хватка у тебя есть, не пропадёшь в жизни, первый раз меня так сделали, красиво. Надеюсь, что и в последний. Ну ладно, Шаховская, обращайся, если что, помогу.

– Надеюсь, больше не понадобится. Но всё равно спасибо. На следующий день, прямо с утра прибежала Вика, сунула ей пакет:

– Здесь одежда, не вздумай одевать свои тряпки, выкинь их. Я встретить тебя не смогу, буду на занятиях, позвоню вечером, у нас там телефон, а встретит тебя папа и отвезёт на дачу, ясно? Ну, давай, пока, – и Вика умчалась, оставив

за собой шлейф духов, которые очень понравились Насте.

Надо узнать, как они называются, и купить себе, подумала она, теперь она будет покупать себе всё, что захочет. Она надела миленький сарафанчик, и босоножки, сделала лёгкий макияж, которым научилась пользоваться в совершенстве, попрощалась с соседками по палате и вышла в вестибюль. Осмотрев себя в большое зеркало, пришла к выводу, что выглядит отлично, никто не догадается, что она только из монастыря, хотя больше уверенности в себе не помешает.

После длинных закрытых одежд, которые носили в монастыре, в этом сарафане, Настя казалась себе голой. Но привыкать, всё же надо, и она, распрямив плечи, лёгким шагом направилась к двери. Вышла на крыльцо, и залюбовалась весенним солнечным днём, Никитина, ещё не было. Настя ещё не знала, как начать с ним разговор, и волновалась, но потом решила, что придумает что-нибудь в процессе общения. Вскоре она увидела его машину, иномарку, Вика ей рассказывала, что такие машины везут сейчас из Японии, и они гораздо лучше, чем отечественные. Вика сама водила машину и немного разбиралась в них, она даже пообещала научить Настю вождению. Никитин вышел из машины, поздоровался с Настей.

– Садись, поехали.

Настя села на переднее сидение, и они поехали. Максим Викторович молчал, только изредка поглядывая на Настю. Наконец он решил начать разговор:

– Настя, а ты помнишь свою мать?

– Нет, меня воспитывали чужие люди, – покачала головой Настя.

– Я знаю то, что мне нужно, – отрезала Настя. – А почему вас это интересует?

Максим Викторович, пожал плечами, он был ещё не готов рассказать ей правду. Это будет для неё шок, и надо как-то подготовить её. Он уже решил для себя, что узнает, что случилось с Людмилой, жива она или нет. Но с Настей сначала надо подружиться, прежде чем посвящать её в это грязное дело. Он не хотел, чтобы девушка с отвращением отвернулась от него, искренне желая загладить свою вину. Никитин готов был свернуть горы. Девушка, не догадывалась, какое смятение чувств, вызвала она у мужчины и спокойно рассматривала пейзаж, мелькавший за окном.

Уже когда они ехали по Сад-городу, Настя испугалась, ей вдруг пришло в голову, что он может избавиться от неё, и никто не узнает об этом, ведь мама в письме сказала, что это страшные люди. Он может убить её! Она в испуге сжалась на сиденье. Но Никитин не заметил, он был поглощён своими мыслями. Они подъехали к небольшому, симпатичному домику, Никитин посигналил и ворота открылись. Заехав внутрь, они вышли из машины и Максим Викторович повёл её осматривать владения. Участок был небольшой, домик четырёхкомнатный, уютный. У забора, стоял ещё один дом, меньших размеров, в котором проживала семейная па-

ра, муж выполнял функции сторожа, а жена следила за порядком и готовила еду.

– Познакомьтесь, друзья мои, это Настя, она пока поживёт здесь. А это Иван. – Тот церемонно поклонился.

– И Мария.

Пара Насте понравилась. Мария побежала сразу на кухню, и занялась приготовлением обеда. А девушка, заняв небольшую спальню, которую ей показала Мария, разложила свой небольшой гардероб, презентованный Викой, пошла на кухню, помочь женщине. Они разговорились, и когда Мария узнала, где воспитывалась девушка, то обняла её и заплакала:

– Бедная девочка, без материнской ласки расти очень плохо. А мне вот бог детей не дал, как только не лечилась, бесполезно. Видно бог мне тебя послал, под старость лет.

Прошла неделя, Настя поправилась, загорела и стала ещё красивее. С Марией они очень подружились, та не знала, чем угодить девушке, кормила самыми вкусными блюдами и была счастлива. Они много разговаривали, и Мария учила девушку всяческим житейским премудростям. Вика приезжала по вечерам, рассказывала свои новости, и всё время спрашивала, когда Настя начнёт искать своих врагов. Настя улыбалась, говорила, что скоро, а сама не знала, как сказать Вике, что одного она уже нашла. Всё случилось в пятницу вечером, Настя была одна и смотрела телевизор, Мария после ужина ушла к себе, и тут раздался стук в дверь. Девушка под-

скочила к двери, распахнула её и замерла, перед ней стоял Никитин, костюм на нем был помят, галстук съехал, и весь вид его был какой-то безумный. Настя в удивлении уставилась на него:

– Максим Викторович, что с вами?

Он прошёл на кухню, открыл шкафчик, достал бутылку коньяку, рюмку, посмотрел на девушку:

– Выпей со мной, Настенька, пожалуйста.

Она присела рядом, удивлённо посмотрела на него и кивнула. Никитин налил в рюмки, и залпом выпил. Настя покрутила в руке рюмку, понюхала и поставила, она ещё ни разу не пила спиртного.

– Не пьёшь? Правильно. Люда тоже не любила спиртное.

Максим Викторович прижал руки к лицу и заплакал. Значит всё, мелькнуло в голове у Насти, пришла пора, ну что ж хорошо, посмотрим, что он расскажет.

– Я так виноват Настя, если бы ты знала как!

– А я знаю, Максим Викторович.

– Как, знаешь? – он растерянно посмотрел на Настю.

Она пожала плечами:

– Да я знаю, это вы со своими друзьями лишили маму будущего.

– Прости Настя, я, когда тебя увидел, сразу понял, вот оно наказание, я виноват, я так виноват. Понимаешь, я ведь любил её, я до сих пор мечтаю о ней.

У Насти вдруг резко защемило сердце, и она, схватив

рюмку, одним махом выпила её. Пищевод обожгло огнём, и Настя задохнулась, хватая воздух ртом, она кое-как отдышалась. Никитин, посмотрел на неё усталым взглядом:

– Я больше не могу, нет сил, я даже думал пойти в милицию и всё рассказать, но сейчас все продажное. Хотя, о чём я говорю, – он махнул рукой. – И сейчас, и раньше, было одно и то же. Просто раньше боялись немного, коммунисты правили железной рукой, а сейчас те, у кого есть деньги, не боятся наших властей нисколько. Правда, им приходится бояться бандитов, вот и думай, что лучше. А если быть честным, то и власти, и бандиты, одно целое, и друг без друга существовать не могут. Вот такая аксиома, Настя.

Он залез в холодильник, достал салат, колбасу.

– Не ел сегодня, ни черта, с самого утра. – Максим Викторович нарезал хлеб, колбасу, налил в рюмки.

– Ты давай тоже закусывай, а то развезёт быстро, а у нас разговор будет долгий. Я расскажу тебе всё как на духу, а ты уж думай сама, простить меня или нет.

– Вы что же хотите мне исповедоваться? Но я не священник, грехи не отпускаю, – с усмешкой сказала Настя.

– Для меня, ты сейчас самый высший суд Настя, и поверь, я сам себя наказал, если бы ты знала, какое мучение нести всю жизнь на своей совести такой груз вины, это и есть самое страшное наказание девочка.

Настя смотрела, как этот ещё не старый симпатичный мужчина с поседевшими висками, не находит себе места. С

одной стороны, ей было жаль его, но с другой... Но всё-таки ей нужно выслушать его, она и ждала этого рассказа и в то же время боялась.

– Ну что ж, я вас слушаю. Он выпил и, не закусывая, приступил к рассказу. Никитин рассказал девушке всё, не стараясь при этом как-то обелить себя, свалив всю вину на других. Он был честен с ней.

– Вот так всё и случилось, с тех пор о Люде, я не слышал. Да, правда я и боялся спрашивать. Но, я обещаю тебе узнать, что с ней случилось.

Настя, вся во власти чудовищного рассказа, смотрела на него ничего не видящими глазами. Максим Викторович налил ей ещё рюмку коньяку, она выпила ее как воду. В голове её проносились страшные картины насилия. Она сжала кулаки, глаза вспыхнули гневом:

– И вы, правда, думаете, что это можно простить? Но как?

– Да, наверное, я возжелал невозможное, ты права. Но ты не уходи, живи здесь, тебя очень любит Вика. А мне... мне осталось всё равно недолго, они скоро уберут меня, я стал слишком неудобен для них.

– Неудобен для этих мерзавцев? Но почему? Оттяпали у них часть прибыли? Вор у вора дубинку украл, ха-ха-ха. – И Настя засмеялась истерическим смехом.

Никитин посмотрел на девушку виноватым взглядом:

– Я, пожалуй, пойду, а ты спокойно всё обдумай и не торопись с выводами.

Он ушёл, а Настя попыталась привести мысли в порядок, но безуспешно. Тогда она легла и сказала себе: «Я подумаю об этом завтра». Как ни странно, эти слова всегда ей помогали. Утром Настя встала с опухшим лицом, оказывается, она плакала во сне. Ночью, несмотря на все усилия, она плохо спала, ей снилась истерзанная мать, которая протягивая руки, звала её. «Мама, мамочка», – кричала Настя и бежала к ней, но та удалялась всё дальше и дальше, пока не исчезла совсем.

Она привела себя в порядок, чтобы Мария ничего не заподозрила и после завтрака, решила прогуляться, чтобы спокойно всё обдумать. Пообещав Марии, что погуляет поблизости, Настя вышла за калитку и потихоньку пошла по улице, не замечая, что машина, стоявшая неподалёку, тронулась с места и ползёт за ней. Девушка дошла до конца улицы и остановилась, в раздумье. Как бы там ни было, она решила ничего не говорить Вике, и попросить Никитина помочь ей в поисках информации о матери. Сердце ей подсказывало, что она жива. Настя стояла, не замечая красоты, царившей вокруг. Весна в этом году была на удивление тёплой, во дворах цвела сирень, её запах сводил с ума. На перекрёстке сидела бабуля и продавала сирень, стоявшую в большом ведре. Когда Настя подошла, бабушка окликнула её:

– Девушка, купи сирень, смотри какая красивая!

Настя развела руками:

– Я не взяла с собой деньги, извините.

– Возьми так, на счастье, уж больно ты красивая. Ты бы не ходила одна, время сейчас страшное, одни бандюки кругом. У моих соседей, дочь вышла погулять и пропала.

Девушка грустно улыбнулась:

– Да я далеко не хожу, а насчёт счастья, хотелось бы узнать, что это такое, но всё равно спасибо.

Настя взяла пышную ветку и не успела сделать и шагу, как из подъехавшей машины выскочили двое и, не дав девушке, опомнится, затолкали её в машину. В последний момент девушка успела закричать, но ей быстро заткнули рот. Ошалевшая бабулька, которой, один из парней пригрозил пистолетом, беспрерывно осеняя себя крестным знамением повторяла как заведённая:

– Ой, люди добрые, да что же это люди добрые, да как же это люди добрые.

Придя в себя, Настя огляделась по сторонам, она была зажата на заднем сиденье, сидящими с двух сторон, здоровенными парнями. Парни были в спортивных костюмах, бритоголовые и явно, не принадлежащие к людям, зарабатывающим на жизнь умственной деятельностью. Этот вывод Настя сделала, послушав некоторое время их разговор.

– Губа, на кой черт, она нам сдалась? Скиф, че сказал? Пасти банкира, – сказал амбал с перебитым носом.

– Скелет, ты совсем тупой? Это ж наверняка его телка, через неё мы на него выйдем. – Ответил второй амбал с уродливой верхней губой, которая придавала ему заячий вид. –

Да мочалка?

И он с силой сжал её бедро. Настя поняла, что это бандиты, про которых она так много слышала последнее время и они по-видимому хотят доставить Никитину неприятности. Но как ни странно страха она не испытывала, а даже наоборот, какую-то жалость. Она мягко убрала руку, сжимавшую её бедро, и сказала:

– Мальчики, у вас наверно детство было тяжёлое? Вас не любили и обижали? И вы, поэтому пошли в бандиты?

Бандиты переглянулись:

– Скелет, она чё, дура? Или прикидывается? Ты больная, да? Ты чё мелешь?

– Ради бога не обижайтесь, просто я по себе знаю, что всё возвращается, если тебе делают плохо, рано или поздно ты тоже сделаешь в ответ гадость.

– И где же ты это усекла? – захохотал водитель, которого звали Леший.

– В монастыре – ответила Настя.

Все дружно заржали, особенно заливался Губа.

– Ой, я не могу, монашка и банкир, ну надо же. Ты чё нам лапшу на уши вешаешь, монашка она, да я их видел, они все страшные, как я с похмелья, а ты красотка, у банкира губа не дура.

– Я не вру, – пожала плечами Настя. – Хотите молитву прочитаю?

– Давай читай, и не одну, а все что знаешь, тогда может,

поверим, да, братва?

Все дружно согласились. И Настя прочитала им несколько молитв, она читала бы и дальше, но её остановили.

– Ладно, хорош, может, ты и не врёшь, пускай Скиф с тобой разбирается. Хотя ты правильно сделала, что поменяла монастырь на богатого Буратино. Девка ты, что надо, я таких красивых и не видел, – сказал Скелет.

– Вы ошибаетесь Скелет, я не любовница Максима Викторовича.

– Во-первых, я для тебя не Скелет, а Никита Сергеевич, ясно?

– Хорошо, я больше не буду вас так называть, не обижайтесь. Вы знаете, это очень хорошо, что мы с вами встретились, вы только не смейтесь, но я хочу, чтобы вы меня приняли к себе.

В машине воцарилось сначала молчание, затем грянул такой хохот, что Леший съехал на обочину, он просто не мог управлять автомобилем от смеха. Когда они отсмеялись, Скелет, вытирая слезы, сказал:

– Такого я ещё не слышал, пацаны, или она полная дура или прикидывается, я не знаю. Но, по крайней мере, она нас здорово развеселила. А зачем тебе это, монашка?

– Пожалуйста, не называйте меня монашкой, меня зовут Настя.

– Ну, и зачем, Настя, тебе это нужно?

– У меня есть враги.

– Интересно, какие у тебя могут быть враги? Поп, что ли под юбку залез, ха-ха-ха!

Настя, поняла, что сболтнула лишнее и замолчала. Интуиция, ей подсказала, что это не те люди, кому можно всё рассказать. Бандиты успокоились, и больше к ней не приставали, они только с интересом поглядывали на неё. Вскоре, они остановились у высокого забора и посигналили. Ворота открылись, и они въехали внутрь. У ворот, стояли два амбала в спортивной форме, они, что-то спросили у водителя, и отошли. Машина, проехав по подъездной дорожке, остановилась у крыльца. Настю, подтолкнули в спину:

– Давай, вылазь, сейчас будешь исповедоваться.

Девушка вышла из машины и заворовато уставилась на дом, двухэтажный, с башенками и флюгерами, с террасой, вокруг всё в цветах. Такой красоты, она ещё не видела, но стоило ли удивляться, ведь Настя, видела совсем мало в своей жизни. Деревенское подворье до школы, обычную двухкомнатную «хрущевку» вовремя школы, где не было даже телевизора. А потом, мрачные, холодные коридоры, келью, в которой, даже летом, она замерзала. Редкие поездки в город, на старенькой «копейке», на которой лихо рулила сестра Анна. Она обычно показывала и рассказывала Насте, обо всём, что они видели.

Настя, разглядывала дом и представляла себя здесь хозяйкой, именно о таком доме она мечтала. Когда она накажет своих врагов, и найдёт маму, она обязательно будет жить в

таком доме. Она настолько ушла в свои мечты, что не заметила, как из-за угла дома вылетел всадник. Когда он был уже совсем рядом, Настя повернула голову, конь и человек казалось, составляли единое целое, девушка непроизвольно залюбовалась. Кони – радость её детства. Этих животных, Настя просто обожала, и не боялась даже самых диких. Конюх Михаил, научил её многому, в том числе, верховой езде. А этот вороной красавец, очаровал Настю так, что всадника она сначала не разглядела. Тот слез с коня, и внимательно посмотрел на девушку, она не обратила на него абсолютно никакого внимания. Настя была занята вороным, она гладила его и что-то говорила, и как ни странно коню это нравилось.

– Губа, какого черта, вы приволокли сюда эту девку, мне сейчас не до шлюх, – резко бросил всадник. – Я вам, что сказал делать?

– Да понимаешь, Скиф, это девка банкира, мы решили, что она много знает.

Скиф покачал головой:

– Да что она может знать? Никитин не такой дурак, чтобы шлюх посвящать в свои дела. Выкиньте её.

Тут Настя, услышав знакомую фамилию, подняла голову и с интересом, посмотрела на него. Скиф, повидал немало на своём веку, и думал, что удивить его чем-то уже невозможно, но как же он ошибся. Эти глаза, казалось, заглянули к нему в душу, такой чистый, наивный взгляд, он видел впервые, и

в душе у него что-то дрогнуло.

– Вообще-то, ладно, я с ней поговорю. Пошли в дом, – сказал он девушке.

Скиф, он же Лазарев Дмитрий, в прошлом капитан спецназа ВДВ, после вывода войск из Афганистана, остался не у дел. Кроме того, как воевать, он больше ничего не умел. Потыкавшись, как слепой котёнок, в разные места, он понял, что его ничего не интересует. А тут старые дворовые дружки, которые занимались рэкетом, позвали его к себе. Вскоре, он стал бригадиром, его группировка одной из самых влиятельных, с ним считались и уважали. Пожалуй, он был единственным, кто не ставил утюги на живот, не применял пальники и другие жестокие меры. Он обладал таким даром убеждения, что стоило ему поговорить с упирающимся коммерсантом, как тот выкладывал, ту сумму, которую нужно. И самое интересное, они приходили и просились к нему под крышу сами. Девушками, он особо не увлекался, так, когда плоть разыграет, и пользовался девицами лёгкого поведения.

Высокий, стройный, с хорошо развитой мускулатурой, тёмные волосы, серые глаза, в целом производящий очень неплохое впечатление. Если бы он захотел, мог бы увлечь любую девушку, но Дима к этому не стремился. Эта же девушка произвела на него эффект разорвавшейся бомбы. По специфике своей «работы», ему приходилось сталкиваться в основном с тёмной стороной жизни. Предательства, грязь, жажда наживы, кровь и гуляющие девки, то с чем ему при-

ходилось иметь дело каждый день, не способствовало развитию лучших качеств. Душа у него оделась в ледяной панцирь, и Дима думал, что навсегда. Они зашли в дом, Губа, со своей кампанией уехали продолжать слежку за Никитиным, и Настя осталась наедине с Димой. Он показал ей на кресло.

– Садись, что пить будешь? Напитки есть на любой вкус, выбирай.

Настя смущённо посмотрела на бар, в котором стояли бутылки с яркими этикетками.

– Мне чай, если можно.

Скиф вышел, Настя слышала его голос, отдающий указания. Она любовалась внутренней отделкой дома, когда услышала:

– Ну как? Нравится? Что разве у банкира хуже?

– У Максима Викторовича, очень скромно, не знаю, как в их городской квартире, я там не была, но Вика говорила, что живут они не богато.

– Пускает пыль в глаза твой Никитин, а куда же уходят бабки? Не иначе на зарубежные счета скачивает, – поморщился Скиф.

Неужели она действительно шлюха? С такими глазами? Он даже себе не хотел признаться, но она зацепила его. Сердце у него защемило, когда он спросил:

– Что ты там делала? Рассказывай правду.

Поскольку Настя решила, что Скиф, человек не плохой, и кое-что ему можно рассказать, а если она не обманулась в

нём, то потом она расскажет ему всё. «Без помощника мне не обойтись, и этот симпатичный парень может быть мне полезен» – так думала Настя. «Но пока рано, надо прощупать почву». И она поведала свою историю, умолчав о матери и своих врагах.

– Так значит, тебе негде жить? – спросил Дима.

– Ну да, это Вика меня туда определила на время.

У него всё пело в душе, он не ошибся в ней, она действительно такая, какой кажется.

– Ты можешь пожить здесь, – сказал он внезапно охрипшим голосом.

Надо же, чёрт, он смущается как зелёный пацан. Настя удивлённо посмотрела на него:

– Но ведь я вас не знаю, да и вы меня тоже, как же вы не боитесь, а вдруг я воровка?

Скиф хмыкнул:

– Хотел бы я посмотреть на того, кто рискнёт меня обворовать. Если ты думаешь, что я зверь какой, не думай, здесь тебя никто не обидит. И давай, наконец, познакомимся, я Дмитрий.

– Красивое имя, а я Настя. Скажите Дима, а почему вы приглашаете меня пожить?

– Тебе сказать правду? Но она может тебе не понравится.

– Ничего, правда, предпочтительнее.

– Ну что ж слушай, тебе повезло, что ты попалась моим пацанам, они хоть и грубые, но не конченные отморозки. Ты

хоть понимаешь, что с твоей внешностью, лучше сидеть дома. Или ты хочешь, чтобы из тебя сделали шлюху? Боевики Джафара, ездят по городу и отлавливают таких вот дурочек. И судьба у них незавидная, можешь мне поверить.

Настя ошеломлённо посмотрела на него:

– Неужели, всё так плохо? И никто ничего не делает? А милиция?

– Откуда ты свалилась? Ах, да, ты же из монастыря. Время сейчас такое, а тебе может быть стоит вернуться в свой монастырь?

Дима встал, открыл бар и налил себе виски.

– А вы, вы тоже этим занимаетесь?

– Нет, бабы не по моей части. У меня других проблем хватает, – буркнул Дима. – Можешь не бояться, ни я, ни мои люди, тебя не обидят.

Настя не хотела в монастырь, и оставаться у Никитина теперь опасно. Здесь конечно тоже, но почему-то она верила этому парню.

– А это ваш дом?

– Да мой. Ну, что ты надумала?

– Хорошо, вы меня убедили, я останусь.

У Димы отлегло от сердца.

– Вот и ладушки, – сказал он, скрывая радость. – Пошли я покажу тебе, твою комнату.

Они поднялись на второй этаж, и Скиф открыл одну из дверей.

– Вот, это самая лучшая комната, она предназначалась для моей матери. – Голос его погрузнел.

– А где она? – спросила Настя.

– Она умерла, – коротко ответил он и отвернулся.

Комната была просто великолепна, большая, светлая, и в ней присутствовало всё необходимое для жизни. Конечно у Никитина, было гораздо проще.

– Дим, мне нужно позвонить Никитиным, а то они будут беспокоиться. Но, не сейчас вечером.

– А что за вещами, ты не поедешь? – спросил он.

– Да у меня и нет ничего, то, что на мне, дала Вика, – смущённо ответила Настя.

– Мне нужно устроиться на работу.

– На работу? А что ты умеешь? – заинтересовался Дима.

Девушка задумалась, а что действительно, она умеет? Да вроде бы и ничего. И тут в мозгу вспыхнуло, петь, она умеет петь!

– Я пела в церковном хоре, всем нравилось. – Знаешь, можно попробовать, у меня есть подкрышный ресторан, но понимаешь, там твой церковный репертуар не будет иметь успеха. Ты про других певцов, хоть слышала?

– Конечно, не совсем я тёмная, – обиделась Настя.

– Ладно, у тебя здесь есть магнитофон, записей очень много, отдохни, послушай музыку, а вечером сдашь экзамен. Согласна?

– Согласна, – кивнула Настя.

— Ну, все, я пошёл, у меня много дел, можешь гулять, только за ворота не выходи. Если что понадобится, обращай к Антонине, это домработница,— и Скиф ушёл.

Настя села на диван и задумалась, вот уж воистину пути господни неисповедимы! За такой короткий промежуток времени, так много всего произошло. И главное ей везёт на хороших людей, взять этого Скифа, бандит, а оказывается очень хороший человек. У неё поднялось настроение, теперь Настя не сомневалась, у неё все получится. Первым делом, она найдёт мать. Она позвонит сегодня Никитину, может он, что-нибудь узнал. Затем Настя прогулялась по дому, заглянула во все комнаты. После своей спартанской жизни, этот дом показался ей верхом роскоши. Заглянув на кухню, она познакомилась с Антониной, перекусив вместе, они мило поболтали, и Настя ушла в комнату.

Антонина была раньше соседкой по лестничной площадке и дружила с Диминой мамой. Поэтому он и забрал её к себе, когда выстроил дом. Она знала его с детства и очень любила. Когда она увидела Настю, то сильно удивилась, никогда ещё Дима не водил девушек домой, и тем более не оставлял жить. Видать, втюрился Димка, подумала она и улыбнулась, ну что ж девушка вроде ничего, не похожа на современных девчонок, скромная и милая. Может, вытащит его с этой бандитской жизни, ведь каждую минуту убить могут, разве это жизнь. Антонина налила себе рюмочку, выпила и задумалась.

Трое их было, друзья не разлей вода, Дима Лазарев, Владик Никольский и её сын Антон Колесников. Вместе и в Афганистан попали, только её сыночка в цинковом гробу привезли, а Димке и Владу повезло, уцелели они в этой страшной мясорубке. Влад с матерью, правда пропал куда-то, ни слуху, ни духу, квартиру продали и исчезли. Найти, наверное, можно, но Дима так закрутился со своими делами, что никак не может выкроить время для друга. Она тяжело вздохнула и принялась мыть посуду.

Настя в это время, разучивала новый репертуар. Память у неё была хорошая, и за несколько часов, она выучила добрый десяток различных песен. Потом позвонила Вике, и сказала, что бабушка договорилась со своими знакомыми, и теперь она будет жить у них.

– Ну, ты Викунь, не обижайся, мы будем часто видеться, я обещаю.

Положив трубку, Настя усмехнулась, вот она уже и врать научилась. Если бы бабушка узнала, что она пошла, жить к бандиту, у неё бы случился инфаркт. Потом она позвонила Никитину.

– Максим Викторович, у вас всё в порядке?

– Нет, – ответил он. – Меня, наверное, сегодня убьют.

Судя, по голосу, Никитин был сильно пьян.

– Но, что случилось? – встревожено спросила Настя.

– Я забрал важные документы, без них Смирнову кранты, но боюсь, они их найдут, их нужно спрятать, понимаешь

Настя? Через какое-то время он догадается, что их взял я, и тогда конец. Прости, за Люду, не успел узнать.

– Максим Викторович, не бойтесь, вас охраняют.

– Охраняют? Не смейся Настя, кому я нужен?

– Группировка Скифа, слышали, о нём?

– Да, конечно слышал, интересно, зачем я им понадобился? – задумчиво сказал Никитин. – Хотя, я догадываюсь, зачем. И, знаешь, это выход, Настя, спасибо!

Он отключился, а Настя подумала, что сегодня расскажет всё Диме. Вскоре примчался измученный Дима, его шаги и голос Настя услышала ещё на лестнице. Открыла дверь, и он ввалился с целой грудой пакетов, бросил их на диван, и сам плюхнулся рядом.

– Ненавижу ходить по магазинам, и как это вы, женщины можете часами этим заниматься? Отвратительное занятие, я устал так, как будто вагон с углём разгрузил. Вот посмотри, я не ошибся с размером? – и он придвинул к ней пакеты.

Настя смутилась.

– Дима, вы, что все это купили для меня? Но зачем?

– Зачем, зачем, а в чём ты ходить будешь? У тебя ведь ничего нет! И прекрати называть меня на вы, поняла? Ну, ты пока займись примеркой, а я подожду тебя внизу.

Скиф вышел, а Настя бросилась к пакетам. Чего там только не было, Дима позаботился даже о нижнем белье, такое белье Настя видела впервые. Она с усмешкой вспомнила свой монастырский гардероб, да такие трусики ей и не

снились. Настя разделась и принялась примерять всё подряд, все вещи ей идеально подошли. Решив, окончательно сразить Скифа, Настя сделала макияж, косметику он тоже купил, надела маленькое чёрное платье, туфли на шпильке и чуть не упала. Настя посмотрела в зеркало, да, выглядит она впечатляюще, платье сидит прекрасно, где-то она прочитала, что у каждой женщины в гардеробе, должно быть маленькое чёрное платье. Но вот с туфлями, была беда.

Ходить на каблуках девушка совершенно не умела, сделав несколько шагов, она всё-таки решила не снимать туфли, и потихоньку начала спускаться по лестнице вниз. Дима сидел в кресле и разговаривал по телефону, когда увидел Настю. Потеряв дар речи, он что-то промычал в трубку и положил её. Настя медленно, подошла к нему:

– Ну как?

И тут она покачнулась, и упала бы, но её успел поддержать Дима. Лучше бы он этого не делал, когда Настя оказалась так близко, и он почувствовал её тело в своих руках, он испугался, что не выдержит и набросится на неё. Больше всего на свете ему хотелось обнять её и ни выпускать из своих объятий, целовать, любить.... Он потряс головой, Господи, что за наваждение! Но её нельзя напугать, поэтому нужно держать себя в руках.

– Ты выглядишь прекрасно, Настя. Все вещи тебе подошли?

– Да все, вот только на каблуках я ходить не умею.

– Ничего, научишься, попроси Антонину, она поможет.
Ну а как с песнями обстоят дела?

– Я выучила несколько, хочешь спою?

– Конечно, я же должен знать, кого я буду рекомендовать.

Настя начала петь, на звук ее голоса пришла Антонина, и стояла, удивлённо качая головой. Спев, несколько песен, Настя спросила:

– Что скажет жюри?

– Считай, что ты получила работу, – сказал Дима.

Он уже пожалел, что поднял эту тему, ведь на такой лакомый кусочек, будет много желающих, её придётся охранять, и на этой почве могут возникнуть проблемы.

– Но тебе придётся слушаться меня во всем. В этот ресторан ходят разные люди, а ты девушка красивая, ты понимаешь, о чём я? Не все, такие как я и ты должна это уяснить.

– Не волнуйся, Дима, я буду делать всё, что ты мне скажешь, – сказала Настя. – Спасибо тебе за всё, ты мне теперь как брат.

Диме от этих слов, стало плохо. Он налил виски, залпом выпил и отвернулся к окну. Брат, ну надо же, весело получается, он потерял от неё голову, ему совсем не нужны братские отношения. Но придётся играть по её правилам, Скиф сжал кулаки, что за паскудная штука – жизнь, девки вешаются на него штабелями, а та, при взгляде на которую, у него замирает сердце, решила стать его сестричкой, тьфу!

– Сегодня ты учишься ходить на каблуках, а завтра поедem

в ресторан, хорошо?

– Да, конечно.

Настя замялась:

– Дима, мне нужно с тобой поговорить. Это очень важно.

– Ага, сейчас Антонине поможем на стол накрыть, и поговорим.

Они дружно накрыли на стол, после чего домработница удалилась, сказав, что не хочет мешать молодёжи, и приступили к трапезе.

– Ну, что ты хотела мне сказать? Говори, я слушаю.

И Настя приступила к рассказу, ничего не скрывая, всё, что знала она, выложила Диме. Тот, задумчиво вертел в руках пустой бокал. Когда девушка замолчала, он посмотрел на неё:

– Да, занимательная история, я так понимаю, ты решила отомстить. Ты понимаешь, что это очень опасно? Я слышал об этих людях, это очень серьёзные дяденьки.

– Ты же мне pomoжешь, правда?

Скиф хмыкнул:

– По счастливой случайности, я сам заинтересовался ими. Этот Молчанов совсем обнаглел, у меня из-за него проблемы назревают. Мы решили начать с Никитина, он самое слабое звено, поэтому мои ребята пасут его.

– У него какие-то бумаги, что-то очень важное, он сказал, что его могут убить. Дима давай спасём его, спрячем куда-нибудь.

– Не беспокойся, спрячем. Вот он нам и поможет.

– Мне кажется, он не плохой человек, только слабый. Я не буду ему мстить, жизнь и так его наказала.

Вошла Антонина, принесла кофе. Они пили кофе, когда зазвонил телефон. Дима взял трубку и тут же бросил её, сказав только, что понял.

– Началось. Я туда к Никитину, сидите дома, не выходите на улицу, пока я не приеду. Охрану я усилю. Всё.

Он подошёл к Насте, коснулся её щеки, и круто развернувшись, вышел. В будке охраны, он позвонил, отдал распоряжения собрать бойцов и, открыв тайник, который был замаскирован за будкой, начал доставать оружие, тут на полной скорости подъехала машина, за ней другая. Команда у Скифа, была как на подбор, крепкие и толковые ребята, многие служили в горячих точках. Они выскакивали, разбирали оружие и, вооружившись, быстро уезжали. Дима оставил десять человек, на охрану дома, решил, что хватит. Он был уверен, противник стянет все силы туда, к дому Никитина. Сейчас они мчались на полной скорости, и боялись только одного, опоздать.

Скиф не любил терять людей, поэтому старался не доводить дело до кровавых разборок. А теперь им придётся схлестнуться с корейской группировкой, им тоже понадобился Никитин. Правда, это всё равно бы случилось, они оба, и Скиф, и Ким, бригадир корейской группировки, давно ходили кругами вокруг Молчанова, хотели забрать под свою

крышу, уж очень был жирненький кусочек. Но тот, создал свою службу безопасности, и ни под какую крышу идти не собирался.

Так бы может и обломали бы зубы охотники за его деньгами, если бы не жадность Олега Ивановича. Сначала платил он своим охранникам нормально, а потом всё меньше и меньше. Тут и начал Дима вести свою политику, он перекупил уже почти половину его охраны и ждал только удобного случая, чтобы наехать на Молчанова. Но не успел, Ким решил его опередить. «Это мы ещё посмотрим, кто кого», – подумал Дима. У него сотня хорошо обученных бойцов и прекрасный арсенал. Как себя ни успокаивал Скиф, на душе было тревожно, ведь у Кима бойцов не меньше, если не больше, и с оружием тоже нет проблем.

Наконец, они добрались до места. Услышав стрельбу, Дима похолодел, неужели не успели... Корейцы, увидев подъезжающие машины, отступили, силы оказались неравны. Думая обойтись малыми силами, рассчитывая на внезапность, они не ожидали, что ребята Скифа подтянутся так быстро. Раззадоренные боевики, увидев, что корейцы отступают, рвались за ними в погоню, но Дима запретил. Осмотрев поле боя, они собрали раненых и убитых. Никитин был жив, только пьян в стельку, его обнаружили за собачьей будкой в обнимку с бутылкой, его тоже забрали. Отъехав, на приличное расстояние, Скиф увидел милицейские машины, неспешно ехавшие в том направлении, где была дача Никитина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.